Елена Княжина

18+

Менталистка в Академии Междумирья

Три тайных желания

Академия Междумирья

Елена Княжина

Менталистка в Академии Междумирья. Три тайных желания

«Автор»
2024

Княжина Е.

Менталистка в Академии Междумирья. Три тайных желания / Е. Княжина — «Автор», 2024 — (Академия Междумирья)

Сложно быть менталисткой в мире, где внушение запрещено законом. И совсем уж кошмарно, когда на тебя открыта жестокая охота.Мой бестолковый дар нужен таинственной Тени, академия содрогается от страшных преступлений, пророчества обещают слишком многое… И хоть бы кто-то объяснил, что за ценность в бедовой «мозгоклюйке»!Так что искрящий куратор Адамиан Чейз – не главная моя проблема. Наверное.

© Княжина Е., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Сердце на двоих 5
Глава 2. Спектакль для одного 10
Глава 3. Охотники и жертвы 15
Глава 4. Пора просыпаться, малыш! 19
Глава 5. Запрещенные методы 24
Глава 6. Голодный обморок Адамиана Чейза 29
Глава 7. Здоровый аппетит Адамиана Чейза 34
Глава 8. Послание в бутылке 39
Глава 9. Желать нельзя, но хочется 47
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Елена Княжина
Менталистка в Академии Междумирья. Три тайных желания

Глава 1. Сердце на двоих

Низкие ноты щекотным бархатом пробирались под ребра. Обволакивали сердце, вынуждая забыть о надвигающейся беде. Мелодия была до того чарующей, что не оставляла сомнений: на бал в академию пригласили самых одаренных магов-музыкантов.

Мы с Анхелем осторожно спустились с лестницы, поддерживая друг друга на сложных поворотах. Преодолев бессчетное множество ступенек, вошли в интимный полумрак зала.

Сегодня помещение ничем не напоминало привычную студенческую столовую. В причудливом вальсе над головами кружились сгустки ароматной магии. Над серебристой макушкой Анхеля зависла грозовая тучка, подстроилась под мрачное настроение парня… И нас волной окунуло в запах только что прошедшего дождя и смоченной осенней листвы.

– Ммм… – повела носом, жмурясь от внепланового удовольствия.

С той самой минуты, когда втиснула вялое тело в непривычное платье, я не ждала для себя никаких приятностей. В расписании значились одни страдания. Но этот запах…

– На танцы не рассчитывай, – сокрушил надежды задумчивый спутник, выданный мне вместе с платьем и четкими инструкциями.

Сжав покрепче предложенный локоть, я двинулась вдоль стеночки, отыскивая глазами стол магистров. Хотя на вечерние платья разрешалось не крепить эмблемы, правило цветной рассадки никто не отменял. Нас ждали темно-бордовые скатерти, и где-то среди них – первая порция страданий, включающих стыд, неловкость и уколы ревности. Стандартный набор любого ученического бала, ага.

Со стороны мы с Анхелем, пожалуй, походили на парочку, с нетерпением дожидающуюся окончания праздника. Из тех, что жмутся друг к другу при всяком удобном случае, а после прячутся за закрытыми дверями, игриво щекочась, гладясь, целуясь и вот это все.

На деле же мы просто поспорили, кто первый упадет от истощения. По задумке выигрывал как раз тот, кто растянется на глянцевом полу раньше второго. Призов не предусматривалось, но мы упорно мешали чужой победе, соединяясь в единый движущийся организм.

Вулканического сердца едва хватило на двоих. Слишком запущенные случаи. Бесконечная дыра в моем магрезерве просила пощады, сознание уплывало. Одна Эйна ведает, почему я еще не валялась в глубоком обмороке.

Что до парня – он был отравлен. Дважды. Один раз даже по-настоящему.

– Если пораскинуть мозгами… Я вроде твоего ангела-хранителя, так? – хмыкнула в худое плечо, запаянное в хрустящую ткань.

Сир Радьярд, воспользовавшись связями, раздобыл для нас чистую выходную одежду, и Анхель пока не успел запачкать снежно-белую рубашку новыми «неожиданностями». Но вечер только начался.

– Ты безрогий красноволосый демон, притягивающий всякую хтонь, – поморщился парень, не находя во мне ничего ангельского. Тут он был не одинок. Да и чувство это было взаимно. – Но я бы пораскинул… мозгами Мойси… Где эта лысеющая пакость, прикидывавшаяся моим соседом?

– Тише! – дернула его за локоть, заваливаясь вправо и приближаясь к победе в пари. – Ты рано начал шуметь. Мы не знаем, сколько еще иллюзий припас гаденыш. И которая из них нас добьет.

Насчет «шума» у нас имелись четкие инструкции, и было бы глупо запороть отличный план мага-ищейки.

– Иллюзии… Некоторые дары лучше не раскрывать, – прохрипел Анхель, окидывая настороженным взглядом зал, тонущий в нереальном свете голубых люстр.

Чудесное спасение ничуть не улучшило его привычно мрачного настроя. А характер стал даже более скверным! И как с таким нравом девушку завести? Настоящую, а не приходящую в мутные сны.

Скупые фразы, отрывистые движения, острые, вспарывающие взгляды из-под спадающих на лоб волос… Он, может, и герой. Но какого-нибудь ужастика. Монотонный бубнеж Анхеля временами срывался на тихий рык, стоило парню вспомнить про соседа-предателя.

– Полностью согласна… Лучше не раскрывать… – задумчиво покивала, находя глазами Адамиана Чейза. Неприлично притягательного в новом идеально сидящем костюме. Мое личное бедствие.

Каблуки вросли в пол, и я напряженно застыла. Продышалась. Так, если бы воровство поцелуев каралось законами Сеймура, меня бы уже отлавливали стражи. А раз топот не слышен… Немного успокоившись, я продолжила ход. Не посадят меня в темницу за крошечную слабость под ярмами! Наверное.

Кто-то слишком много знал. Хуже того: догадывался о том, чего не понимали мы сами. Записка, заманившая в ловушку куратора и его студентку, была до тошноты красноречивой.

«Нам надо поговорить. О том, что случилось той ночью».

Которой? Без разницы. Тот, кто умело подделал почерк, понимал: несколько слов заставят примчаться в розовую рощу и Чейза, и меня.

Упрямо пробираясь сквозь беснующуюся массу надушенных тел, я с каждым шагом все лучше могла разглядеть куратора. Огнеупорные перчатки Адамиан, похоже, забыл в кабинете. И искорки умудрился взять под контроль: даже манжеты новой рубашки не обуглены!

Рядом с Чейзом, покачивая бедрами в такт мелодии, стояла сирра Лавли. Они как раз соприкоснулись бокалами, и высокий «дзыньк» утонул в шуме бала. Пригубив синюю воду, прорицательница начала что-то рассказывать, декан внимательно слушал…

А ноги мои тем временем утонули в какой-то вязкости и набились ватой. Так, что каждый новый шаг теперь давался с усилием на грани обморока.

Дурацкая сцена из дурацкого романа! Пьют эхесскую синюю, смеются над чем-то, пока я шатаюсь, как тонкая ярма на шах-гринском ветру. И рискую жизнью, между прочим!

Ох, Иви, и чему ты удивляешься? Все по канону. Этим утром Чейз умер, а это никому не дается легко. Некоторые вот навсегда остаются в оковах смерти. И сейчас Адам, конечно же, по-новому ощущает вкус подаренной жизни. Насыщает себя им до отказа, даже две пуговицы на рубашке расстегнул.

С нервным смешком я отвела от парочки глаза и напомнила себе, что Анхель рискует так-то побольше моего. Это за ним должен приглядывать ищейка, прячась в тени, забившейся в углы зала плотным мраком.

Парень согласился с опасным планом Радьярда. Легко, без уговоров. Лишь равнодушно заметил, что на бал не собирался. По своим секретным личным причинам, о которых я была случайно осведомлена.

Но если он будет и дальше *так* сверлить зрачками Риз, расцветившую центр зала в семь оттенков розовой радуги, то осведомлена станет вся академия.

– Перестань глазеть. Ты ее своими «лезвиями» уже истыкал, дырки останутся.

Моего совета не просили. Но что я за менталист такой, если не буду лезть в чужую личную жизнь?

– У тебя уточнить забыл, куда можно смотреть, а куда нельзя! – ожидаемо фыркнул Анхель и все-таки отвернулся. – Пойдем за стол.

– Подожди немного, – прошептала и обернулась, украдкой косясь на Фелицию Лавли, не спешившую отлипать от Чейза. Похоже, она очередные вибрации улавливала. Жаркие, живые, искрящие.

Прорицательница массировала пальцами тонкую ножку бокала и маняще улыбалась, приспустив с плеча белый шелковый рукав. С острого плеча, застеленного ажурными завитками светлых волос! Я не ожидала, что все так… *так*. И мясо она жарит наверняка вкусно…

– Престань глазеть, – передразнил меня Анхель, за подбородок разворачивая к себе. – А то у Фелис снова что-нибудь завибрирует.

– Фели-и-ис… – протянула с пренебрежением. – Какое-то кошачье имя, ты не находишь?

– Я нахожу, что не я один по уши в задн… в неприятностях, – парень натянул на лицо кривоватую ухмылку, растеряв всю свою аристократическую привлекательность. Не полностью, но частично. – Ты план не забыла, Рэйвенс?

– Помню, – буркнула мрачно и набрала воздуха в грудь. Так, что завязки на серебристо-сером лифе затрещали.

От тучки над головой потянуло ароматом грозовых разрядов. Уфф…

– Вот и пойдем.

– Вот и пойдем! – я выдохнула решительно, развернулась в направлении стола магистров и даже шаг сделала. Правда, не в музыкальную пустоту, а в Адамиана Чейза.

Куратор охнул и, чудом не расплескав эхесскую синюю себе на брюки, поставил бокал на подоконник.

Когда он успел подойти? Неужто огнепортом? Но в воздухе по-прежнему тянуло не гарью, а надвигающейся грозой.

Я всего на секунду задержалась пальцами на его плече. Машинально отгородилась, защищаясь от несущейся на меня глыбы. Но в ладонь успел ударить разряд: кожа нестерпимо разгорелась, зачесалась. Пришлось сжать руку в кулачок и завести за спину.

Арх, я ведь не внушила ему ничего лишнего?

С приведением в порядок мыслей был… полный бардак!

Я успела размечтаться, как эти вот грубоватые пальцы сжимают не стакан, а мою талию. Как кружат меня в серебристом платье под чарующие низкие ноты, виртуозно обходя преграды…

– Идемте, – сухо кивнул куратор.

– Куда?

– Туда, – мой кулачок выудили из-за спины и уложили обратно на плечо.

– Простите. Арх меня прибери, простите! – шептала, зачем-то разыскивая на груди утерянную эмблему. Но даже будь она целой, я бы не узнала, какой уровень внушения умудрилась использовать.

– За что простить? – озадаченно уточнил Чейз, увлекая меня в самую гущу танцующих.

Кинул быстрый взгляд на целые ботинки, которые я еще не успела отдавить. На чистую рубашку, на которой не нашлось синих пятен. Не увидел никакого ущерба и вернулся глазами ко мне.

– Я, кажется, случайно внушила вам…

– С вашим-то пустым резервом? Я отсюда ощущаю бездонную дыру, в которую он превратился.

Говорил Чейз до того строго, словно версия о добровольном танце смущала нас обоих. И все-таки…

– Нам надо поговорить, – торопливо прояснил он ситуацию, пока я не успела размечтаться о чем-то еще. – Радьярд кратко описал мне происшествие… *Очередное* происшествие в целительском.

Мозг мой, убаюканный мерной качкой танца, соображал вяло и как-то… фрагментами. За слово «поговорить» он зацепился и теперь воодушевленно визуализировал «комнату для переговоров».

– Умм…

– Не так поговорить. По-нормальному.

Над нами завис пурпурный магический сгусток, и в ноздри пробрался густой аромат филии и хавранских роз. Странный иномирский букет, но весьма волнующий.

Одноразовая акция, одноразовая акция… Она ведь точно одноразовая была, так?

– Вы не писали той записки, – сказала за декана, выметая из головы картинки с мятыми простынями. – И я не писала тоже. Это сделал или Мойси, или тот человек-Тень, скрытый от визионов.

– Не об этом поговорить. И если будете перебивать, придется оставить вас на второй танец, – строго выдохнул Чейз, пробираясь пальцами выше по пояснице.

Прозвучало так, словно он грозился оставить меня после занятий на трудовое наказание. Вроде чистки загонов или стирки потных форменных комбинезонов.

– Вы не так ужасно танцуете, как вам кажется, – сообщила куратору, невинно похлопывая ресницами. Как все-таки Риз это делает, м?

– Зато вы еле на ногах стоите, – прокомментировал он свои наблюдения. Подтянул меня повыше и прижал к себе, позволяя волочься за ним тряпичной марионеткой, прицепленной к артисту театра. – Мне не нравится план Радьярда. Он ищейка.

– Это плохо?

– Напав на след, маг-ищейка более не видит ориентиров, в том числе моральных, Иветт. Он готов рисковать всеми, кто подвернется на пути. Мой брат был таким, и Радьярд такой, хоть и старше.

– А вы не готовы? Рисковать? – повисла на его плечах, не в силах переставлять ноги.

Куратор приподнял меня над носами ботинок и осторожно закружил в воздухе. Подол юбки свешивался до пола, скрывая парящие каблуки. *Так* танцевать я могла хоть весь вечер.

– Нет. Сами посудите, Иветт: ну какая из вас сейчас приманка? Вы от сонной россохи не убежите, – Чейз резал по живому. – Вы не восстановились, не использовали весь ресурс моего сердца. Вас надо уложить в постель, накрыть одеялом и пару дней отпаивать тониками.

– Уложите… – сонно поерзала щекой по вкусно пахнущему плечу, забралась носом под воротник. – И накройте…

Твердые пальцы резко впились в мои позвонки, и я охнула от внеплановой боли. Подняла лицо к Чейзу, почувствовала, как мышцам передается его напряжение. Оно капало на меня из черных глаз, растекалось по щекам, впитывалось в губы.

– Ой… я совсем не то… сир Чейз, я едва соображаю, простите, – сглотнула раз пять, пока выдавливала извинения.

– Едва соображаете. Но собираетесь ловить материалиста неизвестного нам уровня, – хмыкнул он насмешливо.

Музыка стихала плавными волнами, то застывая, то накатываясь вновь, пробирая до мурашек. Волнение, хлынувшее внутрь, теперь билось под сердцем. Налетало на ребра, точно студеное море на отвесные скалы. Надо было с этим заканчивать, пока я окончательно не расклеилась.

– Ловить будет сир Радьярд. И без приманки ничего не выйдет. Вы же не хотите, чтобы Мойси отравил кого-то еще? – проворчала строго и опустилась на пол. Нащупала каблуками опору, сделала шаг назад, отлипая от теплой рубашки.

«У подозреваемого будет всего одна попытка, чтобы устранить выживших свидетелей, пока те не начали болтать. Как только откроете рот, будет поздно. Он выдаст себя, не сомневайтесь», – как-то так говорил сир Радьярд, наглаживая магией рубашку для Анхеля.

Я не очень поняла, что имел в виду Мойси, когда говорил, что мой страх придает иллюзиям подлинность. Но на всякий случай решила не верить глазам.

Может, и Чейз, вдумчиво пересчитавший все мои позвонки, был ненастоящим. Что тут из плоти и крови, а что – из магического тумана? Один Арх разберет!

Из-за голубого свечения люстр все вокруг казалось нереальным, сотканным из фантазий. И где-то тут вполне могла прятаться главная иллюзия. Сам Моисей, давший слово покровителю, что разберется с теми, кто видел и слышал лишнее.

– Я ваш куратор, – напомнил Чейз, недовольно шевеля челюстью. – И могу запретить участие в этой авантюре.

– А можете подыграть. Мойси ведь и вас отравить пытался!

– Ну почему же пытался? Отравил. Хорошо, если вы хотите в это играть, Иветт, – поиграем.

Куратор усадил меня за темно-бордовый стол рядом с Анхелем, а сам расположился напротив. Одарил сирру Лавли холодной полуулыбкой и постучал костяшками пальцев по столу, вызывая два новых бокала синей.

Я поморщила нос: теперь уже и мне казалось, что затея с приманкой дурно пахнет. Хотя бы потому, что я вынуждена торчать за столом магистров следующие пару часов. Слушать звон чужих бокалов и туманные рассказы о сильных вибрациях.

– Они начинаются здесь, – Фелиция приложила руку к груди и глубоко вдохнула. – Затем теплом растекаются выше и ниже… – провела пальцами по декольте и скользнула к своей длинной шее. – Иногда я слышу их в горле: бум, бум, бум… Порой вибрации смещаются в низ живота…

Изящная кисть прорицательницы скользила по белому шелку, рисуя карту сезонного перемещения диковинных вибраций. Острый белый локоток ее второй руки, опирающейся на спинку стула, глядел ровно на Чейза.

– Под конец сеанса я начинаю буквально полыхать. Вибрации затрагивают всю меня…

– Но до мозга, судя по всему, доползают далеко не всегда, – шепотом фыркнул в мое ухо Анхель, наслаждавшийся зрелищем вместе с Чейзом, ректором и магистром Хонсеем.

– И как вы понимаете, дурные это вибрации или хорошие? – не удержала в себе вопрос.

Стекло стакана в моих пальцах стало неприятно теплым. Сир Угль предупреждал, что от танцев может начаться лихорадка. Велел проводить время спокойно и степенно, словно мне лет сто или больше. Кто-то другой воспротивился бы скучной перспективе. Я же сейчас отчаянно мечтала о пледе, ярмовом муссе и клыкастом романе.

– По ощущениям, – Лавли поправила вновь скатившийся рукав и наморщила лоб. – Вот от вас, мисс Рэйвенс, у меня ноет живот и горло сжимается, будто его кто-то душит… Неприятное чувство, тревожное.

Глава 2. Спектакль для одного

Я нервно вгляделась в полумрак танцевальной зоны. Сколько бы Анхель ни смеялся над «вибрациями смерти», он сам был в каком-то роде прорицателем. И я успела убедиться, что порой «неприятные, тревожные чувства» случаются не зря. А мы тут как раз жизнью рискуем, ага.

Мойси… Он был где-то здесь, я знала. Это знание без всякого пророческого дара растекалось холодом по затылку и сползало по позвонкам. Лысеющий невысокий паренек, сосед Анхеля с аллергией на чужие видения… Не зря он боялся: визионы оказались опасны.

Я не успела обдумать все, что услышала там, в палате. Над разлитой лужей отравленного тоника. Признаться, и половины не рассказала сиру Радьярду, подоспевшему на вопль Риз и настоящей миссис Коббс. Все закрутилось так шустро!

Слезы Ризраэль, священный ужас на лице мамы Джулиэт. И вот уже сир Угль отпаивает Анхеля крепкими взварами, пока ищейка идет по магическому следу.

Радьярд возвращается. Его ноздри хищно раздуваются, и холодность пропадает с пластиковой физиономии. Маг что-то нащупал! Протянул руку, кинул следящий аркан… но упустил.

Потом платья и рубашки, монотонный инструктаж, мысли вслух… Радьярд попросил у нас один шанс для себя. Один час. А следующий час – если выживем – уже полагался нам. Спустя положенное время мы, согласно плану, должны начать болтать. Вести провокационные разговоры и рассказывать всем вокруг о визионе Анхеля.

– Болтайте как можно больше, – сухо велел ищейка, заматываясь в тяжелый плащ. – Так, чтобы вас слышала целая толпа. Магистры, ученики, даже стены.

– Вы уверены?

– Мисс Геру сгубило молчание, – кивнул Радьярд, хрустя ментоловым лакомством. – Я не оставлю вас без присмотра. Риск минимален.

Словом, если нам с Анхелем удастся подержаться пару полусфер, за которые Мойси попытается напасть, – считай, мы спасены. Когда «свидетелей» станет сотня, секрет исчезнет. Взорвется пылью и осядет туманом на танцевальный пол.

Я ни разу не умерла за прошедшие сутки, но вкус жизни передался и мне. С танцем, с Чейзом, с невидимыми искрами, сидящими под замком. Так что знакомиться с дыханием смерти совсем не хотелось.

– Дергаешься, – прокомментировал мою дрожь Анхель. И его холодная рука легка поверх моей. – И еще кипишь.

– Лихорадит, – повела плечом, чувствуя предательскую ломоту в мышцах.

– Осталась полусфера. Потом я все расскажу, – парень тряхнул головой, взлохматил длинные волосы и «расслабленно» уложил руку на спинку моего стула. – Не ешь ничего и не пей.

– У него не осталось ядов, – скривилась, осторожно отодвигая от себя стакан. – Наверное.

Странно, что при столь богатом арсенале иллюзий Мойси выбрал отраву. Какой-то это… дамский вариант. Если верить хавранским детективам.

– Он неуклюжий слабак и недотепа, спотыкается на каждой кочке. С копьем не бросится, – Анхель будто бы заглядывал в мое ухо, но на самом деле его взгляд скользил мимо.

Я слышала, как неподалеку от левого плеча щебечет Риз, иногда из шума выделялся и голос Квента. Они болтали о каких-то новых веяниях в сфере магического растениеводства. Соседке тема была по душе, это я из читательского поняла…

– Почему ты ее не пригласишь? – прошептала, вслушиваясь в мелодичный смех, пьянящий легкостью и свободой.

– Потому что она «фея», а я архов гоблин с нечесаной головой и дурными манерами.

– Ну… не гоблин… просто шарахаешься от всех, будто лет сто сидел в пещере…

– Мой дар делает меня посмешищем, – злобно пропыхтел Анхель, постукивая пальцами по спинке стула.

– Больше пугает…

– Мы с ней из разных сказок. У нее там что-то про единорогов и волшебную розовую пыльцу, а у меня – про грязные лужи с дрянными страшилками.

Не то чтобы я, воспитанная *правильной* хавранской литературой, могла представить их в паре. Скорее нет, чем… нет. Но в сравнении с продуманным Квентом ворчливый визионик казался едва ли не принцем! Если отмыть от пятен, расчесать и не подпускать к открытым жидкостям.

– Да… да, я тебя понимаю, – вздохнула сочувственно. – Но иногда автор засыпает, и можно перепрыгнуть через пару страниц. Влезть в запретную сказку, пока никто не видит. И украсть себе немножко чужого счастья.

Эйна ведает, потом становится больнее. Но это «лекарство» я хотя бы сама попробовала, прежде чем другим советовать.

– Немножко меня не устроит, – пробубнил сосед. – Я не Квент, мне нужно другое. Не стоит и начинать. Вот он!

– Кто? – я уже забыла, по какому поводу собрались.

Разве не затем, чтобы нанести себе как можно больше душевных ран?

– Я этого упыря всегда узнаю, – Анхель больно сжал мое плечо и развернул оцепеневшим корпусом к столам с напитками.

В огромных чашах бурлило и плескалось самое разное магическое варево. Всякий мог подойти и набрать черпаком в стакан.

У бронзового таза с зеленым содержимым стоял молодой тхэр. В коротком плаще с золотой каймой, с густыми вихрами медных волос на макушке, с бравой выправкой… Ничего общего с Мойси не имеющий, кроме роста!

– Ты просто не знаешь о его комплексах, – поморщился Анхель и отвернулся к магистрам. Покрутил в руке стакан, вздрогнул, будто бы случайно роняя. – Ох нет… опять…

Белая жидкость большой кляксой разлилась по бордовой скатерти. Обычная лужа, никаких тебе занимательных картинок. Но спектакль был не для нас – для «сеймурского стража». Очень похожего на настоящего, с литыми мышцами и боевыми навыками высшего порядка. Нет, серьезно, что мог забыть на студенческом балу бравый тхэр?

Мойси был до тошноты осторожен. Даже на танцы явился под иллюзией, хотя не мог знать, что Анхель выжил и успел передать кому-то визион. Вероятно, гаденыш что-то почувствовал, когда сир Радьярд ловил арканом ускользающий след.

– Что это?! Кто? – заголосила я и, распахнув глаза пошире, уставилась в пустую лужу.

– Где? – Фелиция растерянно нагнулась над белой кляксой.

– Вы видите, видите? – я приложила ладони к горячим щекам, изображая изумление. – Это мой рыжий вирс, его кто-то хочет убить!

Где-то тут, в зале, за «постановкой» должен был следить еще один маг. Укрывшись серым греховным плащом, как железным щитом, Радьярд сливался с толпой, со стенами, с музыкой. Может, даже полностью стал прозрачным. Арх знает, какие там у ищеек фирменные приемы.

«Вывести на чистую воду»… Так говорят в Хавране. Но мы вели Мойси на разлитый молочный взвар с каплей добба для храбрости.

– Тут нет ниче… – мешала спектаклю прорицательница.

– Да вот же! Тренога для стрельбы из музея… и ампула… чья-то рука…

– Керрактова бездна, и верно, – покивал задумчиво Чейз, оттаскивая любопытную Лавли от лужи.

– Да куда вы все смотрите? – изумился Хонсей.

Открывая и закрывая рот немой рыбкой, я завороженно глазела на лужу. Почти сама поверила, что там мне показывают кино о покушении на рыжего котика. Неотмщенного пока, но все к тому шло.

По полу с едва слышным металлическим гулом прокатился один шарик, второй, третий… Я обернулась, нашла глазами источник звука. Маленькие и желтые, чуть больше тарьевых жемчужин, но необычно тяжелые в нашем магическом поле. Пока катились, они будто оставляли на полу борозды.

– Теперь и у меня вибрирует со всех сторон, – икнула я, хватая Анхеля за рукав.

Я видела такие шарики в брошюрке о новых исследованиях, она лежала на папином столе! Там было что-то про сгустки темных частиц, рвущих материю до самой изнанки… Ученые Сеймура получили тьманиты из Эррена на изучение и хранили в серватории в защищенных экранами колбах.

И еще несколько штук лежало в музейной зоне, рядом с драконьей чешуей…

Мойси что же, хочет устроить в академии разрыв? Прямо посреди бала?

Желтые камешки закатились под стол. Дырявое небо… Он спятил и планирует всех магистров вместе с бордовыми скатертями отправить в бездну? Да нет, материя Сеймура крепка и надежна! Она подвержена портальным образованиям, но разрывы? Это не про нас.

Пол под каблуками дрогнул, и с ошеломительным грохотом в нем образовалась трещина. От камешков потянуло сладко-горьким мраком. Я выпрыгнула из-за шатающегося стола, по которому с края на край перекатывалась белая лужа.

– Что там было? Что ты видела, Рэйвенс? – двумя железными прутами на мою талию легли неприятно чужие руки. И потянули назад.

Краем глаза уловила колышущийся черный плащ с золотой каймой. Лжэ-тхэр тащил меня в сторону от грядущего разрыва. Мной он жертвовать не планировал, зря Адамиан так волновался.

Трещина увеличивалась прямо под ногами Анхеля. Вместо того чтобы отпрыгнуть, горе-визионик клевал носом лужу. В ней плескалось и перекатывалось настоящее новое пророчество, которого сейчас никто не видел…

– Иветт, в сторону! Живо! – рявкнул Чейз, засучивая рукава. Искры, спущенные с поводка, заплясали по его венам, стекаясь к центру ладоней. Обрели форму яростно закипающих огнешаров.

Легко сказать «в сторону»! При всей своей слабости и неуклюжести, иллюзорный «тхэр» был будто железным. Точно надетая маска придала Мойси сил. Или не маска, а я, на секунду поверившая в реальность стража…

Арх, как все запутано! И запущено. И в целом невыносимо.

Каблуки запинались друг о друга, пока меня спиной оттаскивали к выходу. Лихорадочный жар наплывал на веки, и я едва разбирала противный шепот, лившийся в ухо.

– Пойдешь со мной, раз такая любопытная…

– Чейз, камни! – крикнул Хонсей, выуживая один из тьманитов из-под стола и старательно растирая его в ладонях в каменную пыль.

– Бездна! – из ноздрей куратора разве что пар не валил. Хотя гарью попахивало на весь зал.

Размашистыми движениями Чейз послал оба пульсара под стол, метко попав в коварные желтые «жемчужины». От каждого огнешара осталось по черной дырке в полу, ножки подломились, и лужа вместе с Анхелем соскользнула вниз. Не в бездну, всего лишь на обожженный паркет.

– Я не верю. Не верю, – шептала, жмурясь и пытаясь развидеть увиденное. – Ты просто Мойси. Обычный лысеющий студент с рыжей эмблемой. Чистишь загоны с «тыквенными», мечтаешь о стипендии Келси. Ты не тхэр, в тебе нет силы тхэра!

Я старалась говорить убедительно, вкладывая осколки дара в каждое слово, впечатывая в них свою веру. Хватка утаскивавшего меня мага слабла. Руки были уже не железными и не каменными, обычными – из плоти и крови.

– Зараза! – сплюнул на пол гаденыш, и я, двинув куда-то локтем, вырвалась из захвата.

Обернулась, увидела, как с мальчишки стекает иллюзия. Смывается пятнами телесной краски, открывая истинное рябое лицо с круглыми щеками.

Опасно зыркнув, Мойси сделал стремительный разворот и понесся к выходу. От стены отлепилась серая тень и двинулась следом. Плащ Радьярда пугающе волочился за ищейкой – казалось, маг ползет быстрой змеей или летит драконом. С поистине нечеловеческой скоростью.

– Вы в порядке? – мое лицо обожгло двумя раскаленными ладонями. В глаза впился искрящий взгляд Чейза. – Мисс Рэйвенс, вы слышите?

Было непросто выкарабкаться из дрянных впечатлений. Он хотя бы настоящий, эй? Этим рукам можно верить?

– Я… Да, я… А вы там пол прожгли. В двух местах, – сообщила куратору, вздрагивая от странно приятных прикосновений. Знакомых таких… В последний раз Чейз вот так поглаживал мои плечи, когда я осталась на ночь в его спальне.

Воспоминания не отпускали. Ну кто ж знал, что за крошечное воровство чужих моментов потом половину жизни расплачиваться?

– Парень не пытался вас убить, – с досадой прокомментировал куратор.

– Поверьте, я разочарована не меньше вашего, – пробубнила, выпутываясь из его рук и подходя к Анхелю.

Мой соратник по несчастью сидел рядом с выжженной ямой, прислонившись к стене. Спутавшиеся, слипшиеся серые патлы разбросаны по плечам, щеки украшены черными закопченными пятнами, глаза красные от едкого дыма… И вся рубашка в каких-то брызгах. Пока совсем не принц, мда.

Анхель пересказывал Лавли и Хонсею свой визион. Фелиция недоверчиво морщила нос и пыталась заверить магистров, что пророчества на воде и молоке не отличаются точностью.

– У молодых магов половина идет из головы, – качала она своей густой шевелюрой. – Даже капля фантазии способна проникнуть в видение, спутать карты… Я слышала о визионниках, способных управлять картинками, показывать то, что им выгодно.

– Полагаешь, я повздорил с Мойси и вообразил эту чушь? – насмешливо фыркнул парень, с трудом поднимая к прорицательнице лицо.

– Все знают, что ты не очень ладил с соседом.

– Может, я еще и отравил сам себя, прикрывшись личиной сиделки Коббс?

– Твои обвинения очень серьезны, Анхель. Ты мой… лучший ученик, но… – с тяжелым вздохом Лавли накинула оба белых рукава на плечи, взмахнув ими, словно крыльями. – Отравления? Покушения? У Моисея эмблема даже не красная…

Это верно, не красная и не бордовая. Но что мешало столь искусному «недотепе» накинуть на кристалл очередную иллюзию?

– Яды, оружие демонов, эрренские камешки… Арховщина какая-то, право слово, – Хонсей, хищно щурясь, исследовал обломки стола. – Откуда у студента доступ к этому всему?

– Он маг-материалист с раскрытым даром. Как и вы, магистр, – пробормотала я, ковыряя носком туфли мокрую бордовую скатерть на полу. – Я заглядывала в визионы Анхеля. Я была в серватории, когда орудие для стрельбы рассыпалось в пыль. И я лично видела, как иллюзия тхэра только что сползла с лица Мойси.

– Ушел! – донеслось хриплое с другого конца зала. В образовавшейся тишине оно прозвучало громом.

Как ушел? Ищейка обещал выставить стражей у каждого выхода из академии!

Тяжело дыша, сир Радьярд привалился к стене и распахнул плащ. Из-под ткани сверкнуло лезвие длинного меча. Интересно, что еще прячут в своих одеждах ищейки?

– Я упустил мальчишку, он менялся несколько раз. Похоже, я слишком стар для всех этих иллюзий… – пыхтел маг, нервно разыскивая в карманах ментоловые палочки. – Меня пытался сожрать весьма правдоподобный орантус, намеревались проткнуть ледяные колья, а под конец сбил с ног бешеный хеккар!

Глава 3. Охотники и жертвы

Вместо оранжевых глаз с сочно-зеленой полоской зрачка мне снились карие, обволакивающие черным дымом и согревающие встревоженными искрами. Я проснулась от собственного неприличного стона посреди ночи. Купол серватория за окном кутался в темноту, а новые простыни липли к разгоряченному потному телу.

Бездна! Это совсем не те сны, на которые я рассчитывала после кошмарного бала.

Джул негромко похрапывала на нижнем напольном «ярусе», Риз тихонько сопела в розовую подушку. Вчера она засыпала в обнимку с кристаллическим яйцом, сказав, что забота о малыше ее успокаивает. «Фея» где-то вычитала, что виззарийцы делились с духами теплом. Так что ее сафаэль едва выглядывал из-под жаркого одеяла.

Раздув щеки и сделав пару успокаивающих вдохов – ни гхарра, впрочем, не успокоившись, – я нашла своего окаменелого питомца.

– Пора просыпаться, малыш, – сообщила голубоватому яйцу, в сердце которого вспыхивали и кружились оранжевые огоньки. – Мне очень нужно, чтобы ты вылупился. Очень.

Я старалась, чтобы шепот вышел убедительным и не слишком строгим. Все-таки новорожденные сафаэли – что дети, они любят ласку и материнскую заботу. Это все тоже вчера сообщила Риз, продуктивно покопавшаяся в книгах.

– Мне нужно попасть в серваторий на десятый уровень, – шептала я, ерзая на мокрой скомканной простыне, впитавшей мои греховные фантазии о чужом герое. – К кристаллу высших знаний.

Нет смысла скрывать правду от связанного со мной существа. Чейз соединил наши магические потоки, и теперь казалось, что яйцо слышит даже мысли. Вспоминает вместе со мной слова Мойси из токсичного визиона.

«Уникальное, удивительное создание. Что вы хотите с ним делать дальше? Ей рано знать правду…»

Последнее особенно раздражало. Да кто он такой, чтобы решать за меня? Если эта правда касается Иви Рэйвенс, если она опасна и грозит неприятностями, то я хочу ее узнать. Завтра, а не когда-нибудь в эпилоге!

«Вы были правы. И в том, кто она, и в том, на что способна… Немного стресса, страха и… ее уровень растет».

Они что же, пытались раскрыть мой потенциал, как маньяки из Шах-Грина? Только ученые в прошлой академии предпочитали подвергать экспериментам тело. А эти гады воздействовали на разум? На чувства? Заставили смотреть на чужую боль, испытать ужас?

Арх, да они почти убили вирса. И не почти, а вполне до конца убили моего куратора!

Заснула я вчера, так и не сменив новое платье на ночнушку. Теперь это даже радовало: не пришлось переодеваться, рискуя перебудить соседок. Сунув ноги в домашние туфли без каблука, я выбралась в коридор и через пару минут вдохнула ночной воздух Сеймура.

До мужского общежития было не так далеко, как уверял меня Квент. Направлялась я не к нему, а к другому парню, моего визита не ожидавшему. Благо, я хорошо запомнила, где комната визионика: прямо рядом со входом.

– Проснись, – велела спящему телу, до пояса прикрытому одеялом.

Соседняя кровать пустовала, но я не рискнула на нее присесть. Противно.

– Рэйвенс, ты решительно спятила, – Анхель сонно потер лицо и нашел меня щелочками приоткрытых глаз. – Это *моя* спальня.

– И в ней ничего нового. Даже неожиданностей на шторах нет.

– Сегодня главная неожиданность в этой комнате – ты, – хрипло проворчал парень, приподнимаясь и натягивая на худое долговязое тело мятую рубашку.

– Расскажи мне. Прямо сейчас расскажи, – я уселась на пол возле его кровати.

Окно было открыто, и холодный ветер забирался внутрь. Гулял по полу, приподнимал полы серебристой бальной юбки и щекотал лодыжки.

– Держи, – парень кинул мне одеяло, и я замоталась до подбородка. – Что тебе рассказать, катастрофа?

– Как Горди раскрывал ваши дары.

– Я подписывал «неразглашение».

– Гера уже донеразглашалась. Помнишь, что Радьярд сказал? Ее сгубило молчание, – я до боли расширила глаза, и по вискам скатились слезы. – Мне нужно знать, что он с вами делал. Это не стыдно, я могу потом про Шах-Грин рассказать, со мной тоже… как только ни экспериментировали, когда мама уезжала на очередную конференцию…

– Мы с Герой были в числе первых, – неохотно буркнул Анхель. – Может, Гарольд потом усовершенствовал методы, и они стали не так противны. Так или иначе, мы сами согласились. Жертва в обмен на силу, все по-честному.

– Кто чем жертвовал?

– О других я почти не знаю, – он натянул сползшие штаны повыше, наконец перестав меня смущать. – Все случалось индивидуально и без расписания. Когда ты не был готов. Я как-то видел в чашке огрызки испытания для Геры… Она от кого-то убегала, белая, как снег шах-гринских гор. От кого-то невидимого. Ее загнали в ловушку, все, что она могла – прислушиваться к шагам, к хрусту веток…

– А ты? Что сотворил Горди с тобой?

– Я видел смерть. Настоящую, своими глазами. Живое существо вдруг стало… неживым. И я не смог с этим ничего сделать.

– Кого-то убили? – уточнила дрогнувшим голосом.

– Обычный закон природы. Есть хищники, есть травоядные… – Анхель уставился в окно. – Та самка гхарра была очень молодой. С красиво изогнутыми рогами и необычным оттенком шерсти. Розовым.

– Ох…

– Мне оставалось только смотреть, как тухнут фиолетовые огни в ее глазах. Как последние капли жизни вытекают на талый снег, как растекаются пятнами, собираясь в страшные пурпурно-белые узоры… Мои визионы и сейчас бестолковы. Я вижу, но ничего не могу изменить.

– А ты пытался?

– Пытался, – он тряхнул головой и завесился волосами.

Отличная шторка от неприятных собеседников. И без неожиданностей.

– Но вирс не погиб, – напомнила, задумчиво обрисовывая пальцами узор на деревянном полу.

– Не погиб, – кивнул парень, мрачнея в тон небу за окном. – Но его спас не я, а ты. Уж не знаю, что ты нашептала «коту» на ухо, но это вернуло ему силы для борьбы.

– Я просто попросила его дышать, – сглотнула и подняла на Анхеля глаза. – Со мной что-то не так, да?

– С нами всеми что-то не так, – фыркнул насмешливо.

– А ту самку гхарра убил хищник?

– Да, самый опасный хищник Междумирья. Человек с оружием.

– Это была охота? – догадалась запоздало.

– Мать взяла меня в Шах-Грин. Я обычно отказываюсь ее сопровождать на охоту, но Горди настоял, чтобы я поехал. Терпеть не могу эту стаю снобов. Каждую зиму туда приезжают Клэи, Келси, Хэйвены, Харты… Вся элита.

– Так мама у тебя из этих? Ну, из тех, кто бегает с магическими ружьями по горам и стреляет в прекраснейших существ Веера?

Не мне, впрочем, осуждать. Моя мать тоже в своем роде охотница. Только бегала не по горам, а по порталам, прыгая из одного мира в другой.

– Обычно она охотится на охотников, отдыхающих на курорте после бега, – пояснил Анхель. – Это ее забавляет. Они очень долго не могут понять, что сами стали жертвами.

– Как коварно… Надеюсь, она их ест? – хмыкнула в кулак.

– Использует в своих целях. В разных. Она всегда точно знает, что предложить взамен, – он передернул плечами. – Первое время мне было забавно наблюдать, как холостые «мотыльки» летят на ее пламя. Но в последние дни все больше раздражает. И лишает аппетита. Тебе спасибо, Рэйвенс, что устроила меня за архов стол! Не помню уже, когда ел нормально.

– Она твоя мать, – прошептала завороженно, вполне ясно осознав, что за новую жертву выбрала себе охотница.

Сейчас на ее пламя летел Адамиан Чейз.

– Она моя мать.

– Но ты не Лавли…

– Упаси Сато!

Ладно, да, я тоже не Харт…

– И что же, у нее ничего не вибрировало, когда тебя травил Мойси?! – воскликнула возмущенно.

– О, поверь, она уже сотню раз попросила меня с тобой не общаться. Арх, я даже пытаюсь, но ни гхарра не выходит. Ладно, слушай до конца, раз спросила.

– А там еще есть конец?

В груди мятежно бухало: в откровенном поведении сирры Лавли меня смущало решительно все! По языку расползался привкус досады. Пора было признать, что я немного ревную чужого Героя, хоть и не имею на то никаких прав.

– В горах я истратил весь резерв. Опустошил до дна, пытаясь ставить щиты и открывать порталы, – продолжал историю визионик. – Мы были с той гхаррой вдвоем, одни против всего мира. Против охотников с оружием, жестоко напавших на дивное создание. И когда я сидел над телом той удивительной розовой самки, сработал магический накопитель. Каждому из нас Горди выдал по заряженной тарьевой жемчужине и велел носить с собой даже в душ.

– Зачем вам накопители?

– Профессор толком ничего не объяснил. Сказал лишь, что Сеймур ограничивает наш резерв. Что в других мирах похожие способности выражены ярче, сильнее, но здесь будто бы заблокированы. Малая энергия не дает показать больший уровень. Но если резерв растянуть, если подпитать с помощью накопленной магии…

– И кто ее для вас накопил? – выдавила скептически.

Мать всегда сама наполняла тарьевый жемчуг энергией, но потом неделю ходила «обескровленной». Нельзя что-то получить, не потратившись.

– Арх знает… Горди уверял, что магия «чистая», кем-то уже переработанная. Что она не конфликтна нашим искрам и потому абсолютно безопасна. Ну… он не врал, из особой группы никто не помер.

– Какое счастье… – протянула, припоминая лысеющую макушку Мойси. Нет, некоторые дары лучше не раскрывать.

– Могу лишь сказать, что у накопленной силы был какой-то горелый привкус, меня потом неделю мучило изжогой и кидало в жар. А потом, едва я отошел от эмоционального потрясения, у меня начались сильные визионы.

Анхель почесал серое горло. В полумраке комнаты он был весь какой-то монохромный, серебристо-черно-белый. И парню это было к лицу. Почти герой… Почти.

– Жалеешь, что вошел в особую группу?

– Фелис впихнула меня в стартовый набор, я там особо не решал. Но и не сопротивлялся. Слушай, на первом курсе мы с Герой были реальными посмешищами, – голос Анхеля напитался горечью. – Она со своими ушами, я – с вечными пятнами на одежде… Да еще зеленый уровень. Нам нечего было терять. Так мы тогда думали.

– Риз очень расстроена, что не попала на индивидуальное испытание.

С начала учебного года «фея» уже несколько раз рыдала в подушку над своим «крепким желтым» уровнем. Вполне достаточным для мага-аптекаря. Но недостаточным, чтобы сесть за один столик с тем, с кем хочется.

– Это потому, что у нее ярмовый мусс вместо мозга, – скривился парень.

– Не надо так.

– А как еще сказать о человеке, который не может реальность отличить от подделки?

– Ну… у меня с этим в последнее время тоже проблемы, – пожала плечом. – А Риз просто хочет, чтобы ее любили.

– Правда? – лицо Анхеля исказила жесткая усмешка. – Ну так приводи ее в следующий раз с собой. Как думаешь, она придет? Она же любит тайные встречи!

– Чтобы искупаться в твоей желчи? Не придет, конечно, – отмахнулась с грустью.

Этот мрачный «ангел» дьявольски неисправим. Нет никаких шансов притащить его к персональному «счастливому финалу».

– Или это недостаточно романтично? Не по канону? – раздраженно бубнил парень, дергая пуговицу на рубашке. – Верно, я же не мерзавец, не помолвлен и у меня нет болтливого соседа…

– Не понимаю, почему ты так злишься на нее, – удрученно покачала головой. – Сам ее отталкиваешь, отгораживаешь от себя, осыпаешь гадостями, а потом удивляешься, когда…

– Не понимаешь, правда? Тогда ты очень глупая девочка, Иветт Рэйвенс. И никогда не любила по-настоящему, – он резко встал и поднял меня с пола. – Светает. Уходи, пока меня не…

– Не застукали с настоящей девушкой? О, это лишит сна половину академии. Анхель привел к себе что-то живое, нарядное, чистое и приятно пахнущее! – потешалась над его угрюмым видом.

– Не приводил. Оно само приперлось, – проворчал визионик, выталкивая «что-то живое» за дверь.

Глава 4. Пора просыпаться, малыш!

Второе мое пробуждение за эту ночь было таким же резким и волнующим, как первое. Только в этот раз меня вырвал из дремы не собственный неприличный стон, а подозрительный треск.

И это было не то «ведро гвоздей», что обычно сыплется на меня с почтового ящика. Звук более тонкий, высокий, звонкий, словно возле уха раскалывается магический кристалл.

– Иви… Иви… Твой сафаэль… – прошелестела Ризраэль еле слышно.

– И твой! – вскрикнула Джул, перепугав остатки моих нервных клеток.

Кристалл «феи» тоже шевелился на одеяле, от него со скрипом отламывались розовые кусочки.

Комната наполнялась звоном и треском. Риз, помятая и всклокоченная, сейчас даже сильнее напоминала заспанного розового ежика, чем соседка с пола. Я тоже разлепляла глаза с трудом: ночная прогулка до мужского общежития давала о себе знать.

– Надо… задернуть шторы, – зевнула Риз и сонно указала на энциклопедию. – В первые часы после пробуждения… виззарийские призраки… предпочитают темноту…

– Тогда очень глупо с их стороны вылупляться на рассвете, – проворчала настоящая «ежиха», красная, в сердцах дергая штору. – Лучше бы вообще до вечера отложили: я бы еще поспала.

– Мы все бы еще поспали, – мученически покивала «фея», помогая ногтем своему сафаэлю.

Воздух вздрогнул, завибрировал… И наши кристаллы одновременно распались на половинки. Почти тут же из розовых «скорлупок» показался полупрозрачный клюв. Существо с закрытыми глазами сильно напоминало голубую птицу со слипшимися перьями.

Сафаэль Риз был до того неуклюж, что через пару осторожных шагов плюхнулся носом в простыню. Развернулся на спину и раскинул сотканные из магического тумана крылья, обнаружив нежно-розовый прозрачный пух на животе.

– Это трикс с Саци, – сообщила Риз, захлебываясь от восторга.

– Или хавранский попугай… – подкинула ей менее привлекательный вариант.

Я перевела взгляд на свое яйцо: из него до сих пор никто не попытался вылезти. Показалось даже, что скорлупки совсем пустые!

Но это было неправдой. Просто мой сафаэль скрутился в тугой синий «бутон» и прилип ко дну.

– Кхм-кхм, – вежливо напомнила призрачному существу, что от его вылупления зависит мой поход в серваторий. И мешкать не стоит.

– Кто у тебя, Ив? – Риз подняла глаза, с трудом отрывая взгляд от своего крохи, шевелившего крыльями на простынях.

– Какой-то цветок, – пожала плечом, засовывая нос в скорлупу. Оттуда меня что-то пощекотало, и «бутон» зашевелился. – Эй… приве-е-ет…

Синие лепестки всколыхнулись, и резким порывом ветра меня откинуло на подушку.

– Так, это не цветок, – прохрипела я, с опаской возвращаясь к кристаллу. – Из него… дует. Очень ветреная особь.

Во все глаза я наблюдала, как бутон превращается в яркую сине-голубую бабочку. Небольшую, с мой сжатый кулачок. Как она расправляет полупрозрачные, будто бы стрекозиные крылья с мерцающими серебряными прожилками.

– Похоже на редкую хавранскую морфо, – со знанием дела кивнула обладательница «пиратского попугая» с розовым брюхом.

– Морфо-кого?

– Просто «морфо». Красивая дневная бабочка, – улыбнулась фея, не имевшая таких чудесных крыльев.

Мотылек отряхнулся от осколков кристалла и, окруженный рыжими искорками, взлетел под потолок. В полумраке выглядело, будто он соткан из света голубой Цефеи. От осторожных взмахов больше не случалось порывов ветра. Наверное, показалось.

Просто бабочка. Просто красивая. Эй… это считается за вылупленного сафаэля?

Попугай Риз (ладно, уговорила, пусть будет трикс) тоже встал на крыло. И, горделиво нахохлившись, полетел догонять мою морфо. Или моего.

– Нас правда допустят к кристаллу высших знаний? – мечтательно уточнила Риз. – И он скажет нам Ответ?

Она так забавно хмурила белый лоб, что я поняла: формулирует «тот самый вопрос». Я-то свой давно сформулировала…

– Арх, я за эти дни ни разу не заполнила дневник наблюдений!

Стряхнув сонливость, я суматошно нащупала в сумке блокнот и принялась выводить в пустых графах первое, что приходило на ум.

«Воспитание: правильная хавранская литература, неправильные мысли.

Прогулки: в основном ночные, с преобладанием свежего воздуха и едкого вулканического дыма.

Питание: обильное. Слезы, шоколад, сомнения, горькие воспоминания и ярмовый мусс.

Сон: под подушкой.

Опасности для здоровья: бедовая хозяйка, вероятность попасть под огнешар и задохнуться в огнепорте.

Полезная деятельность: участие в расследовании…»

И все в таком абсурдном духе. Кто-то ведь придумал анкету для каменного яйца?

– А я все заполняла. Каждый вечер, чтобы не скучать, пока жду Квента, – Риз подманила пальцами птенца, и тот уселся на ее кулачке, сложив призрачные крылья. – Порой чувствую себя из-за этого пустоголовой квахаркой, но…

– Жду Квента! Жду Квента! – загорланил вдруг… нет, не благородный трикс, а самый настоящий попугай.

– Ой!

– Ой… – мы одновременно сглотнули.

– Каждый вечер! – орал птенец в четырех стенах, и Джул задернула шторы поплотнее. – Жду Квента! Квахарка! Квахарка!

– А его можно всунуть обратно в яйцо? – уточнила Джулиэт, демонстративно затыкая уши. – Эйна ведает, не так тебе нужны те ответы, Риз…

***

Весь следующий час мы вели при попугае чинные беседы, посвященные сеймурской культуре и обычаям Веера. Надеялись, что за сказками о Керракте и Эррене неправильный трикс забудет про Квента, квахарок и пустоголовую Риз.

В конце концов, ей тоже было рано становиться посмешищем. Да и сирра Фервина надеялась получить сафаэлей воспитанных, а не орущих на всю академию стыдную чепуху.

Суетливая птичка с розовым брюхом только казалась глупой. На деле же уже спустя полусферу по памяти цитировала выдержки из энциклопедии. И что-то подсказывало, что имя сына ректора она тоже не забыла…

Застегивая на себе форменное платье, я в сотый раз порадовалась, что мой морфо – просто красивый мотылек. От взмахов голубых крыльев иногда дуло, но совсем слегка, и это не доставляло неудобств.

Оставшийся кусок утра мы потратили на безуспешные попытки запереть сафаэлей в шкатулке, клетке, шкафу, сумке… Призрачные помощники проскальзывали даже через защитные экраны. Что уж говорить про ткань, стекло и тонкий металл.

– Придется иди так, – жалобно простонала «фея», ставшая от общения с любознательным триксом заметно бледнее.

В магическом питомнике выяснилось, что сирра Фервина дает открытый урок для младших курсов на первом уровне серватория. И мы, распихав кристаллические скорлупки по карманам, отправились в храм знаний. Сафаэли как привязанные следовали за нами, хлопая стеклянно-прозрачными крыльями.

Двери серватория были сегодня открыты для всех, кто желал присоединиться к уроку. На почетных креслах у регистрационной зоны сидели ректор Клэй и мой папенька. Судя по кислой мине с приклеенной доброжелательной улыбкой, отец с большей радостью знакомился бы с новыми иномирскими поступлениями, чем с первокурсниками.

– Сирра Фервина… – окликнула женщину Риз, неуверенно поправляя на себе желтую эмблему. – У нас получилось. Они вылупились!

– О… – оторопело раскрыла рот леди-старушка и уставилась на трикса, хлопавшего голубыми крыльями над головой соседки. – Это не иллюзия? Они настоящие?

Наши духи-помощники будто бы даже оскорбились. И стали хлопать призрачными крыльями еще усерднее.

– Мы заполнили дневники наблюдений, – я порылась в сумке, доставая тетрадку, в которой еще чернила не просохли.

Внутренности подпрыгивали от волнения. Нас ведь допустят к кристаллу? Он откроет мне правду?

– И готовы пройти парные тесты с привязанными… сущностями, – Риз набралась храбрости, и ее голос зазвучал увереннее.

– И получить зачет автоматом, я полагаю? – великодушно улыбнулась сирра, подходя поближе. Она уже позабыла про первокурсников.

Рождение сафаэля было событием невероятным, это читалось по изумленным лицам присутствующих. Но я пока не ощущала гордости. Как и не очень понимала пользы от привязанных к нашей магии «помощников». Пока от них было просто шумно и ветрено.

– Какое все-таки чудо, – сирра протянула морщинистую руку к триксу. – Хоть и искусственно выведенное, но наделенное древней мудростью и…

– Квахарка! Квахарка! – загорланил попугай на весь этаж, и женщина испуганно отшатнулась.

– Простите…

– Он не очень воспитанный, да? – Фервина приняла у нас дневники наблюдений и пролистала.

– Я читала ему Паскаля Нойе и Марселя Хруста… – с нотками обиды заявила Риз. – Но впиталось… что впиталось.

– Маленькие сафаэли, что губка, – сирра негромко рассмеялась. – Будьте с ними осторожнее, иначе рискуете попасть в неловкую ситуацию.

Осмелевшие первокурсники стали подходить и пытаться гладить наших призраков. Даже тучный ректор, охнув, вытащил себя из кресла и с мальчишеской улыбкой на все лицо поздравил Лурд с торжественным вылуплением.

Потирая руки, он заявил, что новость прогремит на весь Сеймур и на парные тесты обязательно съедутся именитые маги-ученые из Ваяра и Шах-Грина. Вот только их мне и не хватало.

– Кто был первым? – судя по величественной позе, ректор уже репетировал речь. – Кому присудить победу?

– Кристаллы раскололись одновременно, секунда в секунду, – прошептала Ризраэль, теряясь под его проницательным взглядом.

Кто-то проронил слова о призах. О читательском билете десятого уровня, о визите к Кристаллу высших знаний… И я задвинулась в тень, сгибаясь под тяжелым взглядом отца.

Хранителю серватория затея не понравилась. И ненадежно закрепленная улыбка отклеилась, рассыпавшись стеклянной маской.

– Я вынужден… вынужден отказать… – растерянно бубнил папенька в пустоту, сжимая в кулаках библиотечный воздух. – Юным умам противопоказаны визиты к Кристаллу, особенно некоторым… впечатлительным и…

– Мистер Рэйвенс, эта награда была оговорена еще с предыдущим хранителем, – строго напомнила Фервина. – И пусть меня сегодня же уволят, если мои ученицы не получат обещанное! Девочки заслужили свои ответы.

Заслужила ли я? С невиданным энтузиазмом меня грызли сомнения. В животе, голодно булькая, копошилась совесть.

Это Ризраэль ночами читала книги о древних существах, выискивала секреты виззарийцев и пробовала сотни методик магического вылупления. При всей кажущейся легкости и пестроте, «фея» была девушкой целеустремленной. И, получив свой шанс, хваталась за него всеми розовыми конечностями. Штурмовала библиотечные полки, каждый шаг записывала в дневник…

Что сделала я? Пару раз поревела над подушкой, кинула яйцо в сумку с конспектами, познакомила малыша с «правильной литературой». А этой ночью, расстроенная и запутанная, видимо, внушила кристаллу, что мне позарез нужно выиграть. Не самые честные методы, да?

***

Дергаясь под напряженным взглядом Хранителя, младший регистратор оформила нам новые читательские. На каждом закрепила черный камешек. Арх Звездноликий, Сато сын небесный… Десятый уровень, прямо как у папеньки!

– Ланта Рэйвенс и ланта Эвергрин. У вас один день. Один вопрос. И одно уточнение, – девушка быстро моргала за круглыми стеклами. Нечасто ей приходилось оформлять высший допуск. Скорее всего, никогда.

На ватных ногах, тревожно вздрагивая от каждого треска, мы с Риз поднялись на десятый уровень. Магические арки пропускали нас, сигнализация не срабатывала. Это действительно случалось с нами. По-настоящему, в реальности! Мы приближались к нему – к кристаллу, впитавшему все знания Лурдского храма.

В каком-то другом мире, более суеверном и менее продвинутом, «всезнающее око», рассылающее блики по стеклянному куполу, сочли бы богом. Но нет, это был просто говорящий камешек. Слушающий и отвечающий.

Сафаэли не отставали ни на шаг. Кружили над головами, то забавно сливаясь в одно призрачное пятно, то разлепляясь вновь на шумного попугая и молчаливого мотылька.

– О чем ты спросишь? – я поглядела на Ризраэль, привыкая к необычно разреженному воздуху верхних этажей. Вдохи давались с трудом, в глазах то и дело темнело.

– О самом важном для себя, – Риз нервно покусала бледные губы, отчего те раскраснелись спелыми вишнями. – А ты?

Я затормозила. Мысль простая и логичная, но… как понять, что для тебя *самое* важное? Мой вопрос был давно готов. Но теперь голова пухла от новый идей, наперебой предлагающих мне себя, как торговки на междумирском базаре.

Чья тень была в визионе Анхеля? Что имел в виду Мойси, говоря, что я уникальное создание? Почему Чейз предложил мне остаться в его спальне? Чем я не угодила Грегори Кольту? Как я умудрилась оживить Адама?

Один вопрос. Один ответ. Как мало!

Трезво взвесив тяжелые мысли, я пришла к выводу, что совсем уж все кристалл знать не может. Вряд ли секретные уровни серватория забиты чистосердечными признаниями кураторов о ночах, проведенных со студентками. И вряд ли радужное «око» знает обо всем, что происходит за пределами храма.

Хрустальный подвесной мостик, ненадежный и узкий, соединял балкон десятого яруса и кристалл под потолком. По нему мог пройти только один. Риз ступила на стеклянную ступеньку первой и осторожно двинулась вперед, шепотом репетируя речь. Я успела расслышать: «Взаимны ли… мои чувства…»

Боги Сеймура, Риз! Это ведь просто камень. Не экстрасенс, не пророк, не великий фантазер! Бесчувственный сгусток собравшихся в плотную кучку магических частиц.

Фея, смущенно розовея всем, включая брови, уже вовсю шепталась с «оракулом». Я подавляла желание закатить глаза: об этом надо спрашивать не у бездушного камня, а у того, чьи чувства ее так волнуют. Хотя хитрый Квент, скорее всего, соврет.

– Ри-и-из… – протянула я возвращающейся подруге.

– Не осуждай, – улыбнулась она загадочно, окрыленно пружиня по мостику. – Мне было нужно.

– Кристалл не может знать, что у тебя на сердце, – профыркала я.

Кому, как не Иви Рэйвенс, верить в силу книг, хранящихся в сервариях? Они утешают, отвлекают, согревают в трудные времена. Порой подталкивают нас к верным решениям, заставляют менять мнение и открывать для себя новые истины. Но они не могут ответить «да» или «нет», если спросить напрямую в бумажный лоб!

– Однако он знает, – она натянула белую кофту до самых розовых щек. – Откуда-то…

Разочарованной Риз не выглядела, значит, ответ ее устроил. Тревожный симптом. Сейчас она уверует в истинную любовь Клэя-младшего, и никакими сюжетными поворотами этого будет не изменить!

Недовольно подергивая плечами, я ступила на хрупкий мост, ведущий к высшим знаниям. Шаткий и неустойчивый, способный скинуть тебя в пустоту, в саму бездну.

Уложив холодные ладони на кристалл, я представила существо из снов. Липкое, покрытое изумрудными чешуйками и слизью, испуганное, пахнущее тиной, шепчущее «Живи…». Пальцы согрелись: «око» получало дареную информацию. Впитывало ее для дальнейших великих размышлений.

«Вопрос?» – требовательно раздалось в моей голове.

– Кто это?

«Проклятое существо Танталы», – прошелестело в мыслях.

Кристалл, скрипуче покряхтев, начал гаснуть. Радужный спектр собрался в единый белый луч, бледный и дрожащий. Словно «око» неимоверно устало от мыслительных усилий.

– Стой! У меня есть одно уточнение! За что проклятое?

«За тайное… желание…»

Мост вздрогнул и начал рассыпаться. Я торопливо перебежала обратно на десятый ярус, и резной хрусталь растаял в воздухе, обернувшись пугающей пустотой.

Глава 5. Запрещенные методы

Арх, мне надо было спрашивать не это! Не кто *он*, монстр из снов, а кто *я*. Но было поздно: мостик, перекинутый к знаниям Междумирья, исчез.

Ответ кристалла породил еще больше вопросов. Кто проклял то существо? Почему оно так настырно лезет ко мне в кошмары? И что дурного в тайных желаниях, Эйна меня прибери? Со всеми иногда случается…

– Пустоголовая! Пустоголовая! – продолжал горланить голубой трикс, и сейчас казалось, что он вовсе не о Риз кудахчет.

Мы с феей бродили по запретным уровням, не зная, за что хвататься первым. И куда бежать, расправив потяжелевшие крылья.

Тут были и надежные хранилища, и просторные лаборатории, и маленькие кабинетики магов-ученых. Благодаря читательским с высшим допуском, сегодня мы могли совать нос повсюду.

– Я пойду в магическую оранжерею на седьмом, – Риз воодушевленно облизнула губы, и я прощально кивнула. Мне нужно было на девятый.

Еще одно книгохранилище. Лабиринт темных узких коридоров, уводивших в разделы разных миров. Я быстро нашла указатель «Тантала» и пошла по стрелочкам.

Многие ниши в заговоренных стеллажах пустовали: книги были на руках магов-ученых. Это неудивительно. О закрытом мире информации мало, так что новое поступление сразу же расхватали.

Но мне повезло: в дальнем углу пылилось несколько старых томиков. Судя по потрепанности, ученые успели их изучить вдоль и поперек. Я выписала на бланк заказа наименования и вернулась к регистратору этого уровня.

– Тантала? – с уважением покивала строгая женщина в сером комбинезоне. Тщательно проверила черный камешек на карте, сверилась с внутренними данными серватория. И ушла к стеллажам доставать мой заказ. – Ваш читательский истекает завтра, ланта Рэйвенс.

– Я знаю. Я успею прочитать, – заверила библиотекаршу, с недоверием несущую высоченную стопку толстых книг.

– Хмм… Верните до того, как уровень станет четвертым, а…

– …карета превратится в тыкву, – покивала с пониманием, облизываясь на стопочку. Ради такого я вечером даже клыкастый роман отложу.

– Иви, зачем тебе это? – знакомый голос заставил вздрогнуть.

Хранители храмов знаний имели ужасающую привычку передвигаться бесшумно!

– Пап, я знаю, что у тебя аллергия на Танталу и любое ее упоминание, но у меня есть допуск. На один день, – заявила с неуверенным вызовом. – Всего на один, пап!

Керрактова бездна… Да лучше бы я попалась в обнимку с дамским романом. Папа смотрел бы с меньшим осуждением.

– Ладно, – отец с шумным вздохом отогнал бабочку, вившуюся у его плеча. – Но потом ты вернешься к учебе и забудешь о ерунде.

Его величественный плащ хранителя заскользил по коридорам, и вспомнилось, как папа гулял тут в полосатом халате. Растерянным, забывчивым и помятым от книжных страниц «мистер Рэйвенс» мне больше нравился.

– Поскорее, пожалуйста, – поторопила регистраторшу, нетерпеливо переминаясь на каблуках.

Внутрь пробиралось предчувствие, что что-то непременно случится. Вторгнется в книжную идиллию и помешает чтению, как это обычно бывает.

Тантала плыла в мои руки. От одних названий, тщательно переписанных на бланк заказа, спину щекотало мурашками.

В глубине души я понимала, почему Эмили Харт тогда рискнула. Компас указал на закрытый мир, и она вошла. Без страха, решительно и смело. Так, как я бы не смогла никогда.

Моя мать была единственным путешественником, попавшим туда порталом. Остальные сведения мы черпали из иных миров Веера – кое-где еще сохранились легенды о древних переходах.

В общих энциклопедиях, доступных студентам, Тантала упоминалась бегло. Как весьма живописная земля, наполненная существами, похожими на людей. В тех книгах не было нарисовано проклятых липких чудищ со змеиными глазами. Но я очень надеялась обнаружить что-то похожее в новых потрепанных томиках. Не зря же их хранят под самым куполом, подальше от любопытных глаз?

Закончив оформление, регистраторша вернула книги на стойку. Но, не выпустив из рук, снова убрала вниз. Эй, куда?..

– Что происходит? – я озадаченно проводила книги глазами.

Так быстро надежда меня еще не покидала!

– Прошу прощения, ланта Рэйвенс, но вы не можете их забрать.

– Еще как могу, – покивала уверенно, протягивая руки к вожделенной стопке.

– В вашем читательском только что… – библиотекарь растерянно поглазела на артефакт с бегущими строчками и огоньками. – Вот буквально пару секунд назад появился запрет.

– Запрет? У меня допуск десятого уровня, ланта… эмм… Холив, – прочитала имя на карточке, напряженно сопя. Творилась какая-то арховщина.

– Но вы ученица. Ваши родственники или опекуны решают, какая информация дозволительна.

– И они решили это вот прямо сейчас? Секунду назад?

– Точно так, – кивнула женщина, удивленная не меньше моего. И понесла стопочку обратно в ящики.

Дырявые небеса!

– Хотите сказать, мой папенька наложил запрет на книги о Тантале? – догнала регистраторшу.

Ну я его сейчас! Найду, поймаю, сожму в крепких – удушающе крепких! – объятиях…

– Эм… нет. Их наложила ваша мать.

Я нервно огляделась. Нет, никаких внеплановых чудовищ в серватории. Регистратор, видно, бредит.

– Шутите? – догадалась с ненатуральной улыбкой. – Моя мать на другом конце Сеймура! До нее сейчас сам Арх не докричится…

Живо представилось, как Эмили Харт, «самая гордая гордость Сеймура», готовится к очередной конференции. Как шипит вполголоса, что рождение второй дочери запороло ей всю карьеру.

– А ты попробуй… покричать, – силуэт худой невысокой женщины вынырнул из раздела Керракта.

Да какого рогатого демона?!

Серо-русые волосы, остриженные до плеч и собранные в короткий хвост. Знакомый скрежет металла в строгом голосе. Тугие мышцы, выглядывающие из-под закатанных рукавов рубашки. Фигура, хрупкая только на первый взгляд…

Да, это действительно была моя мать, а не ее правдоподобная иллюзорная копия. А жаль.

– Что ты здесь делаешь? – протянула я, ощущая, как лечу в глубокую темную бездну.

– Меня пригласили для экспертной оценки маятника Квентора.

– Папа будет тебе рад…

И как они так разминулись?

– Сомневаюсь.

Ее красивого лица коснулась холодная полуулыбка. Тут же стерлась за ненадобностью: маме нет смысла со мной заигрывать и изображать радость встречи.

– Это какая-то шутка насчет запрета? – качаясь на каблуках, я уперлась взглядом в ближайший стеллаж. – С каких пор тебя волнует, что я читаю?

– Пока это дамские романы с непристойными иллюстрациями – почти не волнует. Но моя дочь не будет засорять голову недостоверной ерундой, – она потрясла пухлым томиком, на который я так рассчитывала.

По коридорам прокатился порыв ветра, и я нашла глазами моего сафаэля. Он как раз невинно сложил крылья, усевшись на книжный корешок. Делал вид, что не при делах.

– *«Мир, в котором исполняются желания»*, – мама прочитала вслух название. – Нет, вы только посмотрите на этот бред! Сир Ланторос, собравший отвратительную антологию, своих дорогих штанов не протер ни в одном портале… Исключительно в удобных кожаных креслах мнет. И смеет выставлять себя экспертом?

– Так напиши свою книгу о Тантале, – предложила с таким же невинным видом, какой был у сафаэля. Мысленно сложив крылышки. – Тебя вон сколько лет уговаривают. Будет и достоверно, и на личном опыте.

– Ты даже не представляешь… что предлагаешь… – проворчала мать, отворачиваясь к шкафу.

Вокруг нее преданно вился мой призрак-помощник, хлопая крыльями и разгоняя тяжелый воздух по полкам.

– Ты вывела сафаэля? – она позволила бабочке сесть на свой указательный палец и со всех сторон рассмотрела.

– М-да…

Несмотря на магическую связь со мной, сафаэль выказывал куда больший интерес к знаменитой матушке. Только вылупился, а уже разобрался в ситуации.

– Поздравляю. Правда… хиловат, – мать стряхнула прозрачное насекомое с ладони.

– Это хавранский мотылек. Голубой морфо.

– Еще и бесполезный. Но красивый, на том и будем стоять, – она сухо похлопала меня по плечу и прошла к стойке регистратора.

– Первый, выведенный искусственно!

– Или второй…

Бездна, да я никогда не стану для нее чем-то столь же значимым, как работа, книжки и звание «сеймурской гордости».

– Так ты просто на маятник поглядеть приехала?

Уж понятно, что не на меня – свою кару небесную.

Я старалась держаться отстраненно. Давно выработала привычку общаться по определенным правилам. Я не требую от нее нежностей, она взамен поменьше читает нотаций… Но внутри все равно закипало раздражение. Хоть одну несчастную минуту она могла за меня порадоваться?

– Еще к Аргону Келси, – сообщила легендарная Эмили Харт. – Лорд планирует финансировать экспедицию проходимцев в Обсидиановые земли Энхарада.

– Ты снова пойдешь? Порталом?

А как же громкие обещания?

– Нет, Иви, – она поморщилась, словно кислого переела. – Я курирую проект… отсюда. Тренирую команду, ставлю задачи. То, что я не хожу коридорами Веера, не значит, что я забыла, как пользоваться магическими тросами и карабинами.

***

Настроение гулять по серваторию, заглядывать в лаборатории и пугать магов-ученых пропало. Я вышла на воздух и побрела вдоль био-полей, избегая смотреть в сторону розовых ярм.

Сир Радьярд сказал, что след Мойси растаял у Лурдского поселения, на повороте дороги, ведущей в Ваяр. У въездных ворот поставили стражей, повесили дополнительные защитные артефакты, срывающие маскировочные чары. Так что здесь, на территории академии, я встретить парня не могла. Но от вида резной пурпурной листвы все равно становилось не по себе.

Я порылась в сумке и нашла читательский Моисея. Эйна-заступница, почему он не попался мне раньше? Энциклопедия иномирских ядов, инструкция к демоническому вооружению, брошюрки, посвященные дарам Веера, книга о вымершей фауне Междумирья… Совсем не подозрительный набор.

Сердце щемило тоской: я была так близко! Я коснулась Высших Знаний, имела шанс все узнать. И ушла ни с чем. Наверное, все же задала *неправильный* вопрос.

***

К вечеру я, истощенная грустными размышлениями, доплелась до аудитории. Лекция Чейза, занятого в расследовании, перенеслась на семь по небесной сфере. Огни в окнах ректорского крыла погасли, сумерки плотным одеялом опустились на Сеймур, а куратор отстраненно рассказывал о стихийном равновесии.

Его хриплый уверенный тон убаюкивал, наполнял грудь покоем и безмятежностью. Суть я пропускала мимо ушей (мне наука о стихиях в жизни не пригодится). Но разглядывать чужого Героя было приятно.

Эйна ведает, я обещала, что не буду бросать камешки в его окно и поджидать на лесных тропах с запеченным мясом… Но у нас не Тантала, так ведь? И за тайные фантазии никого не проклинают и не превращают в липкое чудище?

После холода встречи с матерью, после всей этой вечной мерзлоты, что сквозила в наших отношениях в последние годы, очень хотелось отогреться в горячих руках Адамиана Чейза. Прижаться к жаркой груди, в которой что-то кипело, бурлило и пыталось вырваться на свободу со снопом искр…

Арх, я бы многое отдала, чтобы перелистнуть странички и повторить одноразовую акцию. В этот раз я бы не так боялась. Получше запомнила бы, какой вкус у его поцелуев. Какой запах у раскаленной жилки на шее. Какой цвет у тех простыней.

Надо было последовать примеру Риз и спросить у кристалла такую же глупость. Вдруг ответ и меня бы окрылил? Хоть на один вечер?

Темный взгляд едва касался моих розовеющих щек, когда куратор поднимал глаза на студентов. Он словно намеренно перепрыгивал мое лицо, перемещаясь с Джинвер на Квента и далее на Флайли.

Посмотри же на меня! Просто посмотри, эй!

Я же не прошу, чтобы он бежал через всю аудиторию, задирал форменную юбку и закидывал меня на неудобный стол? Чтобы, сжав в крепких, пахнущих дымом объятиях, переносил огнепортом к себе в постель? Чтобы целовал жадно, глубоко, до саднящей боли в горле и сведенных скул?

С оголтелым треском в кулаке Чейза сломалась указка, и букет рыжих искр сорвался на пол.

– Демоновы рога! – негромко выругался куратор и резко отвернулся к парящей в воздухе доске. Его плечи под пиджаком порывисто поднимались и опускались. – Откройте конспекты… и зарисуйте формулу… равновесия…

Обернулся, бросил на меня обвиняющий взгляд. Будто это я сломала его указку, ага!

Призрачный мотылек, покладисто дремавший на моем плече, вдруг вскинулся, подлетел к шипящему дощатому полу и сделал несколько вальяжных взмахов. Искры, норовившие

обернуться пламенем, затухли. И морфо, довольный маленьким подвигом, вынырнул в открытое окно.

С полусферу в аудитории было тихо, лишь скрипели письменные артефакты. С пылким деканом никто не спешил шутить, и все послушно зарисовывали формулу. Я тоже, облизнув пересохшие губы, уставилась на пустой конспект. Повозила в нем грифелем для приличия, нарисовала пару цветочков и вернулась к горячим мыслям.

Мощный огонь, полыхавший в этом вулкане, хладнокровно сдерживаемый, срывающийся с поводка, прикрытый отстраненным фасадом… Он согревал. Я знала, как согревал. До арховых ожогов, до черных дыр. И сейчас он был таким нужным…

Куратор дышал у доски так шумно, так прерывисто, что с каждой минутой мои мысли становились все жарче и непристойнее. Я уже сама была готова проклясть себя за «тайное желание», но никак не могла остановиться!

Ну что с тобой происходит, Иви? Все эти романы не для тебя.

– Все свободны! – рявкнул Чейз, не оборачиваясь. До конца занятия оставалась еще четверть сферы, но спорить никто не стал. – Мисс Рэйвенс, задержитесь.

Его нечитаемый взгляд прибивал к полу сломанную указку, и я не рискнула возмущаться и задавать вопросы. В столовой до сих пор не починили вмятины от его огнешаров. Я сегодня снова обедала за столом магистров, и каблук упорно проваливался в черную яму.

Дверь хлопнула за последним учеником, и Чейз наконец поднял глаза. Превратил меня в ту самую обожженную дыру и скривил побелевшие губы в немом упреке.

– Иветт… Вы хоть понимаете, что натворили? – куратор быстро подошел и скинул сумку с моего плеча. Намекая, что побег сильно откладывается.

– О чем вы, сир? – утонула в голодном взгляде.

Он сколько лет не ел, эй? Что за дурацкая диета? Я не уверена, что съедобна.

– Дистанционно. Без тактильного контакта. Второй!

– Да нет же, это никак не возможно…

Я привычно поискала взглядом отсутствующую на груди эмблему (мне до сих пор не выдали новую). Чейз тоже что-то там поискал и задышал тяжелее.

– Три вывода, – прохрипел угрожающе. – Во-первых, вы способны внушать на расстоянии, используя крепкий второй уровень. Это… впечатляет.

– Вы ошиблись, – отступила к окну, предчувствуя, что следующие пункты будут страшнее.

– Во-вторых, вы делаете это неосознанно. Бесконтрольно, – Чейз строго покивал, пока я растерянно мотала головой из стороны в сторону.

Мои неприличные мысли – это просто мысли, так ведь? Боги Веера, скажите, что так!

– А вот это пугает. И сильно, – согласился декан, подталкивая взволнованную меня к подоконнику. – В-третьих… – взгляд обжег до самых ребер. – В-третьих, Иветт, на этот раз я прекрасно понял, что именно вы пытались мне внушить.

– Вовсе я не… – нервно сглотнула.

Поняла уже, как крепко попала с «невинными фантазиями». Так, как не попадают даже те, кто провалился в портал неизведанного мира!

– Лгунья, – припечатал Чейз, сжимая меня за талию и усаживая на твердый подоконник. Ухо окатило обжигающим дыханием, и голос куратора сорвался на рык. – Вы хоть представляете, каких усилий мне стоило сдержаться и не побежать к вам через всю аудиторию, мисс Рэйвенс?

Глава 6. Голодный обморок Адамиана Чейза

Красные искры расплавленного железа, поджигавшие дно черных зрачков, сбивали с толку. Он злится или?.. Секундная заминка намекала, что Чейз и сам пока не определился. Целовать меня, ругать или где-то прикапывать, пока не громыхнуло.

Я сжалась на арховом подоконнике в перепуганный комок нервов, дожидающийся приговора. Эйна ведает, у куратора были права на любой исход. Включая прикапывание.

Горло разболелось – так часто я сглатывала. Во рту совсем пересохло. Пустыня! Чейз медлил, вспарывал меня взглядом, разбирая на части нужные и бесполезные. Самым интересным ему показался серый воротничок, плотно обнимавший шею.

Пауза слишком затянулась. Сегодня Чейз не пытался обрисовать мои губы шершавым пальцем, не дразнил близким дыханием. Но внутри и без этого все скручивалось в неприличный клубок самых разномастных предчувствий.

– Я пойду, – попыталась сорваться вниз.

Это все как-то слишком…

– Да прямо! – на запястьях сжались горячие «кандалы», и мои ладони намертво прикипели к подоконнику.

– Пустите…

– Отпущу, мисс Рэйвенс. Попозже, – строго пообещал Чейз, запечатывая мой болтливый рот поцелуем.

Пальцы ног судорожно поджались, и туфельки соскользнули с пяток. Безумие какое-то. Жар языка прокатился по зубам, щеки заболели от его напора. Эйна-заступница, Чейз меня не целовал, а съесть пытался! Вытянуть жизнь, высосать через рот, пока я ошеломленно млела в его объятиях.

Искорки вокруг нас затанцевали, поцелуй стал непристойно глубок и жарок. Я нервно заерзала, отпихнула Чейза немного.

– Только не вздумайте меня снова тащить куда-то вашим огнепортом!

– А что с ним не так? – рвано выдохнул в мое ухо.

Уффф…

– У меня потом волосы неделю гарью пахнут…

– Очень приятный аромат, – Адам намотал красную прядь на пальцы и притянул к носу. Вдохнул с сосредоточенным видом исследователя-первопроходца.

Пока волосы пахли омывающим травяным настоем, но страшное было впереди.

– Копченой девушки? Да вы маньяк…

А я еще думала, почему героини в романах все время болтают в важный момент! Ах вот почему… Мой рот не закрывался, вряд ли я вообще это контролировала.

– Можем никуда не лететь.

Чейз подвинул меня глубже по подоконнику, устроил кипящие лапищи по обе стороны от подрагивающих колен. Я чинно уложила ладони на свою юбку, изображая не иначе как зеленую воспитанницу пансиона благородных девиц.

Насмешливо хмыкнув, Чейз скинул мои руки с колен. Я упрямо вернула их обратно. Арх! Сюда войти могут в любой момент. И вообще… вообще!

– Иветт… – его пальцы снова впечатались в бедро, оставив пять ощутимых вмятинок. Твердые губы привычно нашли мой рот, утопили меня в кипящей терпкости.

И вообще…

Я же не героиня дамского романа! Это у них «все» случается на подоконниках, в шкафах, магических лифтах, хозяйственных подсобках, на чердаках, под пальмами, в экипажах, на полу да на потолке… А я не хочу так. Наверное, не хочу.

Я вообще сейчас плохо соображала, чего хочу. Расплавилась до состояния хавранского одноклеточного.

Со свистящим вдохом Чейз резко убрал руки и отошел на шаг. Глянул на меня с укором, помрачнел, точно исчадие эрренской изнанки.

– Ясно. Вы доступно донесли до меня свою мысль, – и столько в его голосе было досады, что можно в баночки про запас закатывать.

Архова ментальная «автозащита»! Вечно срабатывает, когда не ожидаешь.

– Как быстро меняются ваши желания, мисс Рэйвенс, – добил возмущением куратор, заводя сжатые кулаки за спину.

– Стойте! И руки… верните.

– Вернул, – помешкав, согласился Чейз.

– Я просто испугалась, – виновато выдохнула, покачивая ногами.

Левая туфелька держалась на честном слове и паре пальцев. И грозила вот-вот сорваться на пол.

– Чего испугались?

– Подоконника.

– Не такой он и страшный, – Адамиан с недоверием оглядел окно. – Подоконник как подоконник.

– Вы ни гхарра не поняли, – удрученно вздохнула, упираясь лопатками в прохладное стекло.

– Все я понял, – тряхнул головой. – Так чего вы на самом деле хотите, Иветт?

Я сомкнула губы. Плотно-плотно. Моя болтливость мигом улетучилась. Неудобные вопросы – самое верное средство! Он ведь не думает, что я сейчас по пунктам перечислять начну?

– Я так устал бороться со своими желаниями, – признался Чейз, утапливая глухой стон в моем воротничке. – Мне здоровья не хватит бороться еще и с вашими.

– Вы очень крепкий мужчина, – отметила с уважением. – Правда, похоже, спятивший.

– Вы на меня дурно… влияете…

– Это я-то?

– И привносите… в мою жизнь… хаос… – привычно обвинял, расстегивая крючки на спинке платья.

Справившись с верхними, приник твердыми губами к голому плечу. Покрыл чувствительную кожу горячими поцелуями, словно штампы на расплавленном воске ставил.

– Вы же понимаете, что сюда могут войти?

Я уже намеревалась упасть в культурный обморок, как та зацелованная девушка с непотребной картинки. Кто я такая, чтобы спорить с каноном?

– Могут, – кивнул он равнодушно, дергая пуговицы на своей рубашке.

Распахнул белую ткань, придавая себе все большее сходство с Героем. Негодяй! Он тоже у Квента методам научился? Так вот, они совсем нерабочие. Совсем. Я настаиваю…

– Да что вы творите, в самом деле? – проворчала, теснее прижимая к себе раскаленную шею и накрепко запутывая пальцы в растрепанных, сильно укороченных волосах.

– Что-то вы слабо сопротивляетесь, Иветт… И возмущаетесь… как-то неправдоподобно…

– Все жду, что вы сами вспомните, что я вариант на один раз.

– Вы вообще не вариант! Вы заноза в…

Он крепко сжал то место, где полагалось находиться занозе вроде меня. Когда только успел занырнуть под юбку?

– Ну знаете!..

– А я не ваш герой, так?

– Так, – упрямо сдвинула брови.

Как же крепко я вляпалась… По самые красные уши.

Вряд ли автор не заметит *такой* сюжетный сдвиг. Тут хлопаньем ресниц не отделаешься. Да он меня за самовольство вообще из книги «вырежет»!

– Тогда почему вы еще тут? На арховом «страшном подоконнике»?

– А вы?

– Расскажите мне, Иветт, – потребовал, спуская платье с плеч. – Вы меня совсем запутали. Расскажите… чего вам хочется… мисс Рэйвенс, – Чейз настойчиво поднял мой подбородок, согрел его выдохом. – Можете через рот.

– Хочется…

Уффф, это куда сложнее, чем в арховом дамском романе. Звуки никак не желали собраться в слова. Разве по моей докрасна прикушенной губе непонятно, какого рода желания разжигают пламя внутри?

– Мм?

– Хочется к вам домой, – призналась, поднимая брови виноватым домиком. – В вашу спальню. Под ваше одеяло.

Рыжие искры закрутились так резко, что я и воспротивиться не успела. Бездна, да можно же ногами дойти? До домов магистров вовсе не далеко.

Ну, приехали… Точнее, прилетели. Душным, едким, дымным огнепортом в знакомую спальню. Закашлявшись от запаха гари и зажмурив глаза, я даже не сразу поняла, что стою без одежды на ковре. И кто-то вовсю осыпает меня поцелуями.

– Я не могу гарантировать, что в этот раз все пройдет гладко, – прохрипел Чейз, унося возмущенно кашляющую меня в сторону постели. – Без пугающих огненных сюрпризов.

– Я тоже… кхм-кхм… не могу…

Тут еще попробуй определи, кто из нас двоих большее бедствие.

Разлепив наконец веки, я обнаружила лицо Чейза прямо над своим. И его плечи, неприлично широкие, выпуклые какие-то. И загорелые локти, вколоченные в подушку, чтобы ограничивать мои взволнованные ерзания.

– Мне однажды сказали… что все может быть очень просто… если не усложнять, – жарко сопел Адамиан. – Но с вами просто не бывает, верно?

– Боюсь, что так, – кивнула виновато.

– Значит… придется примириться… с некоторыми сложностями…

В темноте цвет простыней снова был невнятным, серым. Сбегавшие от Чейза искры расцвечивали полумрак спальни рыжими и золотыми всполохами. Обрисовывали сосредоточенное лицо, морщинку на хмуром лбу, глубокое черное дно голодных глаз… Архова бездна… Архова бездна…

***

С хриплым стоном Адам откинулся на подушку и затих. Кожа его дымилась, от оцепеневшего тела шел запах тлеющих угольков. Как если бы Чейз умудрился подгореть в собственном огнепорте.

Он уснул или?.. Арх, только не говорите, что я убила куратора!

На спящего он походил слабо. Не давала покоя необычная бледность. И мельтешащие в мелкой дрожи ресницы. И белки закатившихся глаз…

– Адамиан! Сир Чейз… Вы в порядке? – переполошилась я, взволнованно кутаясь в одеяло.

Нависла над его лицом, ласково похлопала по щеке. Он дернулся под моими пальцами и вымученно улыбнулся.

– Нет, – пробормотал Чейз. – Не в порядке.

– Что случилось?

– Устал.

Практического опыта у меня было по минимуму, но я считала себя весьма подкованной в теории. Рано или поздно во всех дамских романах происходили «те самые моменты», и в лакомые сцены я вчитывалась с особым упоением.

Так вот, ничего подобного там не описывалось! Никаких бледных полумертвых кураторов.

– Выглядите так, будто упали в обморок, – вздохнула обреченно. Живо представились новые постыдные записи в пухлом личном деле.

– Так и есть. Знал ведь, что будете стоить мне остатков здоровья…

Мученическая ухмылка стала шире. На фоне тотальной белизны кожи смотрелась она жутковато.

Не могла же я вновь измотать его непослушным даром?

– Я не?..

– Вы «да».

Арх… могла. Действительно могла! Зудящая дырка в резерве мягко намекала.

– Я не ощутила вашего сопротивления, – простонала виновато.

– Надеялись, буду отбиваться? Я не так пуглив, как вы думаете.

Этот смертник еще и веселился!

– Внушению, – уточнила серьезно, хлопая по щекам все настойчивее. Чейз морщился, зато бледность сменялась розоватыми пятнами. – Я была уверена, что взяла дар под контроль!

– Ни гхарра вы не взяли… – простонал, не открывая глаз. – Просто… я снял защитные ментальные барьеры… Решил не сопротивляться ни вашим желаниям, ни своим. А в чем-то даже потакать. Назовем это «добровольным рабством».

– Спятили вы! – всплеснула руками. – Да мало ли что мне в голову могло прийти? У меня, знаете ли, довольно бурная фантазия для сеймурчанки!

– Я заметил, Иветт, – лукаво жмурясь, проворчал Чейз. – Вам… много всякого пришло.

Я окинула придирчивым взглядом красивое, чуть дымящееся тело. Оно просило кубиков льда, поглаживаний и поцелуев… А рабу, насколько я помнила из книг, так-то браслеты положены. Цепи всякие, кандалы… Даже жаль, что я ни капли не демоница.

– Так значит, все, что было… это я?

Боги Сеймура, заберите у меня воображение!

– Не дождетесь, – прокряхтел Чейз, безуспешно пытаясь открыть хоть один глаз. – Половина честно моя. Но вы меня, право слово, измотали. Кто же знал, что у скромных менталисток, пугающихся подоконников, столько тайных желаний?

Снова представилось липкое чудище из снов. Определенно, хорошо, что мы не в Тантале. И нас за ночную шалость не проклянут.

Я зарделась, уповая на темноту. Не припомню, чтобы хоть кто-то, хоть когда-то потакал моим желаниям. Чейз едва не оказался при смерти, правда… Но это уже нюансы.

Послевкусие от его слов было странным – согревающим, вызывающим щекотное смущение и легкие уколы совести. Вот почему сегодня было так волшебно! Невозможно. Пьяняще. Магически прекрасно.

Я и сама не подозревала, сколько у меня накопилось грез с участием Героя. Сколько глупостей приходило в снах. Сколько всякого я придумала наяву. Ох, Иви! Наверное, не стоило вываливать все вот так сразу.

А сейчас мне хотелось его поцелуев. И нежности, и шума сердца в прижавшейся груди, и горячего дыхания на шее, и жарких рук на плечах… Боги Сеймура, ну вы поняли, да?

– Кажется, мои желания еще не иссякли, – призналась, виновато покусывая губу.

– Пощадите, мисс Рэйвенс! – Адам с усилием приоткрыл глаза, в черных зрачках плясали буйные, веселые огоньки. – Дайте отдохнуть… Хоть пару минут.

Его бледные щеки отдавали серебром в свете Цефеи, призывая сжалиться над уставшим магом.

– Принести вам воды? Или, может, кофе?

– Я выгляжу так скверно, что вызываю жалость? – нахмурился куратор.

– Не жалость. Желание заботиться, – растерла на его плече высыхающую каплю пота. – От вас пар идет…

– Тогда воды, – прохрипел согласно. – Кухня на первом этаже, лестница справа от двери.

Размотав одеяльную обертку, я накинула на плечи рубашку Чейза и вышла из спальни. В прошлый раз комнату я покидала обидным огнепортом и не имела шанса исследовать дом.

Сейчас, аккуратно ступая по темному коридору, я осматривала голые стены и пустые ниши. Куратор не успел оформить интерьер на свой вкус… и вряд ли вообще собирался тратить на это время.

Небольшая, но недурно обустроенная кухня-столовая нашлась внизу. На круглом столе у окна стоял наполненный кувшин. Рядом – пара чистых бокалов, обычная «среднестатистическая» сахарница, блюдце с шоколадом и корзинка с фруктами.

Первый стакан я выпила залпом сама. Признаться, не меньше Чейза вымоталась от «тайных желаний», случайно обернувшихся явью. Второй налила до краев, задержалась глазами на фруктах… не иллюзорных, а вполне настоящих.

– Простыни заляпаете, – недовольно проворчал Чейз, когда я вернулась.

В два глотка он опустошил стакан и теперь искоса глядел, как я жую огромный желто-розовый персик, сидя на подушке.

– Их все равно стирать нужно, – промычала, продолжая вгрызаться в сочную мякоть.

Арх знает, откуда во мне этот неуемный пробудившийся аппетит! Вероятно, я тоже тратила энергию… и не только магическую.

Чейз закатил глаза, но ничего не ответил. С минуту он молча созерцал, как я набиваю голодный рот. Я старалась есть аккуратно и издавать поменьше неприличных звуков, но под пристальным взглядом чуть не подавилась.

– Не желаете ли, мисс Рэйвенс… – Чейз приподнялся на локте, вырвал из моей руки остатки персика и отбросил подальше на ковер.

– Мм? – утонула в нечитаемом блеске глаз.

Он порывисто ухватил меня за затылок, притянул себе. Прижался к губам, собирая языком сладкий сок. Простонал какое-то непристойное ругательство, поминающее перо ядовитой хары…

Вдруг резко скрутил меня в объятиях, развернул спиной и требовательно уложил рядом с собой. Сверху на нас тяжелым облаком приземлилось одеяло.

– …Поспать? – договорил Чейз и, судя по судорожному выдоху, в ту же секунду отключился.

И так он ловко все провернул, что я осознать ничего не успела. Кроме того, что в дамское общежитие меня сегодня не отправляют.

Глава 7. Здоровый аппетит Адамиана Чейза

Утром первой в сонную голову пришла мысль о побеге. И накрепко поселилась там, подталкивая вялое тело к краю кровати. Оно не подталкивалось: было плотно прижато к подушкам загорелой ручищей Чейза.

Второй в сознание заползла паника. Сегодня завтрак за столом магистров я не перенесу! Не смогу и куска проглотить, отчаянно краснея керрактской каэрой и пряча глаза от сообщника по ночному безумству. Потому что безумство-то было ночным, а завтрак – утренний!

В окно заливался яркий свет, делая все слишком явным, выпуклым, заметным. Я попыталась пошевелить пальцами, но те меня едва слушались. Мышцы наполняла томная нега, словно в них кто-то горячего воска залил.

– Вы голодны, Иветт? – прохрипели мне в ухо, намекая, что проснулась и паникую тут не я одна.

– Н-нет… – соврала, не рискуя уточнять, который голод Чейз имеет в виду.

– Мы можем позавтракать здесь. У меня нет лекций в первой половине дня. А бумаги из деканата никуда не убегут и непременно меня дождутся… к прискорбию, – пробормотал, щекоча выдохами затылок.

Воск в мышцах застыл, все тело свело напряжением. А я ни гхарра не готовлю! Ни мясо запекать не умею, ни вот это все утреннее, связанное с тестом, сковородой и нагревающим артефактом… Матери было некогда учить нас с Шарлоттой кулинарным премудростям. Быт и дочери ее вообще интересовали мало.

– Как у всякого неумелого по бытовой части холостяка, Иветт, у меня есть приходящий маг-хозяйственник. Ее зовут Санни, пока я перекладываю папки в деканате, она приводит в порядок жилье и кормит россоху, – успокоил Чейз. – Вечером может что-то приготовить, если задерживаюсь допоздна… В охлаждающей камере полно еды, которую можно разогреть под артефактом. Я попросил ее соорудить для нас завтрак.

– Когда попросили? – я нервно вскинулась на кровати и огляделась.

Его домработница еще тут, хлопочет на кухне, пока я мну бока на подушках?

– Когда вы спали. Вы в курсе, что иногда довольно мило похрюкиваете?

– Я позавтракаю… в академии…

– Санни уже ушла, – Чейз встал и потянулся перед окном, разминая шею и плечи. – Чего вы так трясетесь?

Он когда-то успел надеть брюки и новую рубашку. А потом, видимо, улегся обратно – согревать меня своим теплом.

– Мне неловко, – я тоже поднялась и теперь качалась на пятках, утопая в густом ворсе ковра.

– Ванная напротив. Я буду ждать вас внизу, – строго сообщил Адамиан и оставил меня наедине со смущением.

Похрюкиваю? Арх дери, похрюкиваю?! Слава богам, хоть не постанываю…

Я с полусферу отмокала в теплой купели, ни единой клеточкой не стремясь вниз. В какой-то момент мое опоздание стало неприличным, и пришлось неохотно вынырнуть. Обтерлась *его* полотенцем, хранившим дерзкий аромат пылкого куратора, накинула *его* рубашку, источавшую дымок с воротника…

– Сядьте, – велел Чейз и указал на отодвинутый стул.

– Я, наверное, не голодна, – прошептала, разглядывая накрытый стол.

Желание набить рот свежей, одуряюще пахнущей выпечкой спорило с тошнотой, накатившей от волнения.

– Чего вы боитесь? Это просто еда. На кухне вы уже были, персики воровали, – хозяин недоуменно пожал плечами. – Меня тоже видите не первый раз в жизни.

– Вам будет со мной скучно, – выдавила из себя. – Я не представляю, что говорить за завтраком после… ну… Не вести же нам светские беседы о погоде, так?

На этот счет дамские романы не давали никаких советов! Обычно после бурной ночи события ускорялись, и героев закручивало водоворотом новых приключений… Благодаря заботе неравнодушного автора им не приходилось смущенно глазеть друг на друга, прячась за чашкой остывшего взвара.

– Я совсем не против хоть немного поскучать в вашем обществе, – Чейз негромко рассмеялся. – А ваше молчание меня даже порадует.

Я никак не могла заставить себя опуститься на стул, заботливо отодвинутый куратором, и потому примостилась на низком подоконнике. Стащила булочку с блюдца, поджала ноги.

– Вы всегда так сидите за столом? – недоуменно уточнил Чейз, выскребая на мне глазами ощутимые полосы.

– Довольно часто, – призналась, поджимая ноги сильнее. Так, чтобы ничего лишнего из-под длинной рубашки не торчало. – Вас раздражает?

– Нет, – качнул головой, поразмыслив над ответом с минуту. – Просто непривычно. Ешьте, Иветт… Иначе тоже в голодный обморок упадете.

– А вы… уже утолили свой аппетит? – поморгала, провожая глазами ополовиненную чашку кофе.

– На первое время, – хмыкнул Чейз и подтолкнул к краю стола вазочку с джемом.

Он демонстративно развернул «Магический вестник Сеймура», и из газетных складок вывалился сложенный пополам белый лист. Адамиан бегло прочитал записку и нахмурился, но довольно быстро вернул себе благодушный вид. Сунул листок обратно в газетный разворот, простучал костяшками по столу…

– Вы не объясните мне, почему дымитесь, светитесь, как ночник, и опаляете кожу до ожогов? – решилась нарушить молчание.

– А вы еще не поняли? – он оторвал глаза от какой-то занимательной статьи.

– Нет, – мотнула головой. – А должна была?

– Я думал, вы догадливее, – промычал Чейз, отхлебывая кофе.

Я наморщила лоб, пытаясь вспомнить, думала ли я об этом хоть минуту. Нет, было слишком много отвлекающих факторов. Покушения, жертвы, расследования, виновники… Сумасшедшие ночи, пугающие догадки, вылупившиеся сафаэли…

Будь у меня хоть один свободный час, когда я могла бы сесть на скамью перед академией и призвать всю имеющуюся дедукцию… Но его не было. Ни минуты покоя!

– А что вы читаете так внимательно? – перевела тему, обнаружив свою полную беспомощность в «Деле о сияющем кураторе». Чейз как раз снова развернул белый лист и украдкой его изучал.

– Неважно, – быстро спрятал записку в газете и отбросил в сторону.

Ухватил меня за щиколотку и потащил к себе, заставляя сползти с подоконника. Притянул за край рубашки ближе, поставил между колен, подтолкнул пятой точкой к столу.

– Сир Чейз, сейчас утро… – сглотнула судорожно, выкручиваясь из теплых ладоней. Отскочила от края стола, как кипятком ошпаренная. – Очень светлое, яркое… и… утро, словом, да. У вас разве нет каких-нибудь важных дел в деканате… или на полигоне… В сервато-рии, мм?

– Что-то вы быстро дали задний ход, Иветт.

Щурящиеся в ярком свете Цефеи глаза превратились в две черные щелки. Лапы куратора бессовестно забрались под рубашку, и поясницу защекотало колючими искорками.

– Вы же… утолили… свой аппетит… – я едва не подпрыгивала от жарких прикосновений.

– Тогда какого гхарра я до сих пор такой голодный?

***

Не представляю, где бы завершился наш с Чейзом завтрак – на столе, подоконнике или диване в гостиной, – если бы его магистерская эмблема вдруг не вспыхнула срочным вызовом в деканат. Заброшенные бумаги требовали внимания.

Обласкав меня голодным взглядом и подхватив газету с запиской, куратор сорвался с кресла в искрящий огнепорт… Не оставив мне ни инструкций, ни ключа, чтобы запереть за собой дверь! Похоже, Адамиан в спешке позабыл, что не все перемещаются телепортами.

Я растерянно устроилась на стуле, поклевала крошки с тарелки, допила взвар. Куратор не вернулся ни через десять минут, ни спустя полусферу. Вероятно, Чейза подхватил «водоворот новых приключений», а про меня сюжетный вихрь, как водится, забыл…

Со вздохом я вернулась в спальню, нашла вчерашнюю одежду. Рядом с ней обнаружился и осенний плащ, который – точно помню! – я прошлым вечером вешала на крючок в аудитории. И моя сумка с конспектами, скинутая на пол Чейзом в красноречивом намеке… Время до моего пробуждения куратор провел плодотворно: заметая следы.

Придав себе относительно пристойный вид, я выскользнула на порог. Уповала на то, что обустроенные по последнему слову магии дома преподавателей должны быть защищены автоматически-запирающими чарами.

И да, они были оснащены! В этом я убедилась спустя секунду. Когда увидела знакомую долговязую фигуру Анхеля.

Парень покидал дом дальше по дорожке, задумчиво вертел головой, пощелкивал ключом-артефактом… Задрожав от накатившей паники, я попыталась вернуться в тихое и безлюдное «гнездышко» Чейза. Отчаянно дернула ручку – раз, второй, третий… Дырявые небеса! Дверь была заперта и впускать отказывалась.

Пока я взламывала чужое жилье, борясь с запирающими чарами, Анхель успел сладить со своей дверью и оглядеться. Так что в его изумленный взгляд я вляпалась со всего разбегу.

Если бы не приступ «предрассветной откровенности», я бы непременно подумала об Анхеле что-нибудь дурное. И о Фелиции – о ней дурное особенно легко приходило в голову. Но сейчас… Сейчас я сама была в том положении, чтобы обо мне думали всякое. Гадкое, стыдное, непристойное.

Обиженно тренькнувшее сердце подкинуло неутешительный вывод: а Чейз-то с сиррой Лавли практически соседи… Немудрено зайти друг к другу на ужин и полакомиться новыми блюдами «с пылу с жару».

Я ревниво закусила губу и резко развернулась, подставив взгляду визионика сгорбленную спину. Несколько секунд пряталась в «глухой обороне», изображая слепоту, амнезию и всяческую отсталость. Потом крутанулась на каблуках и с виноватым вздохом догнала парня.

– Могу сделать вид, что мы незнакомы, Рэйвенс.

– Но мы знакомы. И это совсем не то, что…

– Арх, уволь меня от подробностей, ладно? – скривился парень, широкими шагами размечая дорожку к академии.

Мы молча двинулись в сторону площади. Осеннее сеймурское утро прохладой забиралось под подол и хватало за щиколотки. Анхель ежился в тонком плаще, но капюшон не надевал, позволяя ветру трепать длинные серебристые пряди.

– У моей матушки шансов поубавилось, да? – задумчиво выдал он, когда мы миновали лесок, скрывающий опечатанную лабораторию Горди.

– Ты не хотел подробностей, – напомнила с вызовом.

У меня так и не завелась привычка делиться «сердечным» с однокурсниками. Соседи, как и академии, менялись слишком быстро, чтобы я успевала кому-то довериться.

– Аппетит приходит во время еды… – проворчал визионик и почесал любопытный нос.

– У вас с «Фелис» тоже натянутые отношения?

– Разные… Когда какие. Вполне комфортные. По себе судишь?

– Я живу с отцом, – пожала плечами и подняла ворот, чтобы он закрывал щеки от ледяных порывов.

Когда в Сеймуре успело так похолодать? Или мне это кажется на контрасте с безумной жаркой ночью?

– Я со своим незнаком, – в приступе искренности признался Анхель. – Знаю лишь, что это был какой-то важный мужчина в жизни матери.

– Откуда знаешь? – сощурилась, высовываясь носом из-за ворота.

В уши тут же закатился гул пустых дорожек и скрипучий шум Лурдского леса.

– Она обо всех рассказывает без стеснения… Но не о нем, – напряженно пробубнил парень. – Думаю, в тот раз жертва перехитрила охотника. И мать сама попалась на крючок… Фелис как-то проболталась, что иногда обращается к нему за помощью. И он помогает – там, куда не дотягиваются ее вибрации.

Я окинула парня придирчивым взглядом. Ставлю тридцать книжных страниц клыкастого романа на то, что Анхель пошел в отца! Надо искать мужчину с пятнами на мятой рубашке, слипшимися патлами, мрачным лицом и ворчливым нравом. Иначе просто не объяснить, как у такой роскошной, уверенной в себе женщины вышел подобный гоблин.

– Из чувства протеста, – хмыкнул «не-ангел». Будто прочитал нелестный вывод на моем наморщенном лбу. – А ты похожа на мать?

– Ни капли. Ни крупицы родового сходства, – вздохнула удрученно. – Да и папиного во мне маловато. Я какая-то… сама по себе. Бракованная или вроде того.

– Думаю, Сеймуру придется смириться с тем, что ты не совсем бездарь, – Анхель поймал на ноготь моего голубого морфо, что вился вокруг нас преданным лепестком, раскачиваясь на воздушных волнах. – Ты ходила к кристаллу знаний?

– Да, – кивнула. – Я показала ему свои сны.

– Какая откровенность…

– Приличные!

– Я не о том, – отмахнулся визионик. – Не думал, что ты расскажешь мне как есть.

– Я вроде как тебе доверяю, – пробубнила сосредоточенно. – Несмотря на неприглядное родство.

В конце концов, мы вместе валялись в палате сира Угля. Вместе хлебали гадкие тоники, вместе выслушивали план Радьярда. Вместе грозились скатиться с лестницы, став главными посмешищами осеннего бала. И разделили подаренное Чейзом сердце пополам. А это что-то да значит, так?

– Какая… ошеломляющая глупость, – не согласился парень. – Так что сказал кристалл?

– Что та рептилия, пахнущая болотом, – проклятое существо Танталы.

– За что проклятое?

– Вот и я спросила! – остановилась резко и всплеснула руками. – За желание. Тайное. Не уверена, что хочу побывать в Тантале снова…

– Снова?

По «ангельскому» лбу пробежала глубокая морщина.

– О-о-очень долгая история… – я отмахнулась, хотя «долгую историю» можно было рассказать в двух словах.

– А что спросила мисс Эвергрин?

Даже без ушастого фарга сплетни разлетались по академии быстрее тхэ-ванского смерча.

– А вот это не моя тайна, – лукаво подмигнула парню, и на его лицо наползла серая тучка. – У Риз и спрашивай.

– Эй…

– Мм?

– Мне хватит и намека, Иви!

Вот как? Я даже уже не «Рэ-э-эйвенс»?

– Она спрашивала о том, что для нее важнее всего…

– О том, назначат ли розовый новым цветом сезона?

– Ты невозможен! – я спряталась в воротнике и раздраженно потопала по дорожке.

– Это не страшно. И не смертельно, – мрачно возразил Анхель, догоняя меня и подхватывая под локоть. – Начну волноваться, если у меня тоже что-нибудь завибрирует…

Глава 8. Послание в бутылке

Адамиан Чейз

Низ живота голодно урчал. Мысли об упущенном «втором завтраке» тревожили разум, отчего тот окончательно помутился. Какого рогатого демона Клэй вызвал в ректорский кабинет? Видит Арх, Адаму и своей горы папок на столе хватает!

– Вас вызвал я, Чейз, – донесся голос Радьярда от стены с магическим коммутатором. Ищейка показался из-за шторки, обнаружив за спиной горевший кристалл декана стихийников.

Стенд ректора был более масштабным, чем его собственный. Он включал информацию об успехах всех учеников академии – мелкие зеленые, рыжие, желтые и красные огоньки усыпали все пространство от двери до массивного стола.

– Уверяю вас, Радьярд, еще вчера кристалл мальчика был оранжевым! – возмущенно сопел Клэй, перетаскивая тучное тело по кабинету. – Мой помощник каждое утро сверяется со списками достижений, чтобы выявить нарушителей. Тех, кому удалось обмануть эмблемы или усилить их чужой магией…

– Очередная иллюзия, – ищейка постучал ментоловой палочкой по темно-бордовому камешку, являвшему истинное положение дел. – Уверен, на коммутаторе сирры Фервины, курирующей факультет Моисея, такая же картина.

Чейз похлопал по колену захваченной из дома газетой. Внутри свертка дожидалось послание от Кольта. Адам не стал читать его при Иветт: начерканные приятелем строки касались ее необычной персоны. Желанной, аппетитной и такой… *Такой*.

– У учеников нет доступа в мой кабинет. Магия не пропустит их без особого приглашения или сопровождения! – Ферренс перешел на шипение и яростно взъерошил серо-седые волосы. – И я его почти не покидаю! Знали бы вы, Радьярд, сколько бумажной волокиты прибавилось с исчезновением Горди и учреждением новых грантов Келси…

– Догадываюсь, сир Клэй, догадываюсь, – покладисто согласился ищейка, щуря бесцветные глаза. – А вы что думаете, Чейз?

Адам встряхнулся, прогоняя соблазнительное видение, неуместно вставшее перед глазами. Полупрозрачная кожа, красный пожар волос, припухшие от поцелуев губы, серая дымка глаз… Все это с неохотой рассеялось, вернув декана в реальность. В настоящее – с сопящим Ферренсом, задумчивым ищейкой и… вопросом, который ему только что задали.

– Либо ему помогали, – пробубнил Чейз, усилием воли возвращая себя к правильным мыслям. – А значит, в академии у юного материалиста есть сообщник. Либо он прикрылся иллюзией. Мы все видели на балу того тхэра, – добавил сокрушенно.

В тот миг, когда незнакомый воин в черном плаще с золотым кантом принялся утаскивать отбивающуюся Иветт, на Чейза обрушилось слишком много запретных эмоций. Удивительно, как он всю столовую не превратил в угли. Не помнил, чтобы его сердце умело так колотиться.

– А вот это здесь, по-вашему, для красоты? – едко уточнил ректор, тыкая в арку дверного проема.

Радьярд с интересом принялся изучать встроенные в косяк артефакты-определители. Чейз уже видел подобные – на днях стражи обвешивали защитой въездные ворота.

Медные монетки, увитые символами древних, были призваны сигналить о любых обманных чарах. Включая иллюзорный маскарад. Если бы мальчишка вошел в кабинет, прикрывшись личиной миссис Фиггинс или любого иного работника деканата, звону было бы на весь Лурд…

– Значит, сообщник с доступом. И он все еще здесь, – напряженно выдавил Чейз, сканируя взглядом стройный ряд багровых кристаллов.

Магистры, маги-хозяйственники, архивариусы, ассистенты, попечители, стражи… Не так и мало потенциальных подозреваемых.

А ведь была еще записка, отправленная из ректората Хонсею с требованием устроить мисс Рэйвенс практическое тестирование. И «утвержденный» список участников гонок на вирсах… И недавний запрос на досье Иветт, пришедший от Клэя-старшего и сопровожденный печатью.

Теодора утверждала, что лично отнесла бирюзовую папку в кабинет ректора и положила вот на этот стол. А к вечеру дело вернули в архив. Миссис Фиггинс не проверила документы, не увидела отсутствия страниц. Но поклялась, что, когда сшивала досье, медицинские данные Иви были на месте.

– Я вынужден проверить всех сотрудников крыла, – хруст ментоловой палочки вывел Чейза из размышлений. – Сверить магические следы… Обыскать корпус на предмет иллюзий – может, мы еще что-то упустили, – Радьярд загибал пальцы, глядя в окно. – Надо вызвать сюда стражей, чтобы «анти-ложь» развесили по всему крылу. Дар материализма редок, но запасы есть: артефактов у нас хватит на пару корпусов.

– Я обязан присутствовать? – удрученно уточнил Ферренс, мучаясь одышкой.

– Будет лучше, если вы возьмете пару выходных, чтобы не мешаться… чтобы мои младшие ассистенты не мешались у вас под ногами, – поправился ищейка, перекатывая зубами торчащую изо рта палочку.

Клэй понимающе вздохнул и поправил ремень на тучном пузе.

– Я как раз планировал выбраться в горы Шах-Грина. Воздух местных возвышенностей благотворно влияет на мои легкие, целитель велел бывать там так можно чаще. Решено! – Ферренс хлопнул в ладоши. – Поеду. А вы, Радьярд, выловите мне этого гаденыша… Всех их! Нам скоро принимать делегацию из Шах-Гринской академии, а у нас арховщина какая-то творится…

– Мы работаем над этим, – флегматично качнулся ищейка, всем видом демонстрируя, что работает тут только он. – Поезжайте, поезжайте, сир Клэй… подышите горным воздухом.

– Ох, да и что скрывать: люблю я охоту на иномирских тварей, облюбовавших портальные зоны на пике Маунт-Грин. Чейз, не составите мне компанию? – ректор залихватски изобразил магический залп. – Чую в вас родственный дух потомственного хищника!

– Эм… моя хищная натура впадает в спячку, едва видит бумажную гору в деканате, – сдержанно уклонился Чейз.

На что бы он сейчас действительно хотел поохотиться, так это на белоснежные лодыжки менталистки, прячущиеся под простыней или свисающие с подоконника. С радостью вернулся бы к этому изматывающему занятию, но в проеме возникло серое лицо секретаря.

С потерянным видом пухлощекая Теодора прижимала к себе новую стопку папок и горестно вздыхала, глядя на начальника. Одной ей с этим не справиться.

– Иду, миссис Фиггинс, – покорно выдал Чейз, сунул под мышку газету с посланием и с совсем не героическим стоном отправился хоронить себя под кучей макулатуры.

***

Лишь к полудню, когда Цефея вошла в зенит и рассыпала осенние лучи по полям биомагов, Чейз вновь добрался до газеты. Уселся на потертый зеленый диван и отгородился новостным разворотом от стен, замазанных иллюзией.

– Вам передали, сир Чейз, от лорда Келси… – тут же вторглась в «идиллию» Фиггинс, и Адам раздраженно схлопнул газетные листы. – Вам подать кофе?

– Нет!

Пухлощекая секретарша возмутительно медленно подошла к кофейному столику, положила перед Чейзом перламутровый конверт, окинула осуждающим взглядом «расслабленную позу» декана и так же неспешно вернулась в приемную.

Успокойся, Чейз! Нет смысла метать огнешары в стену и ухудшать и без того загубленный интерьер. Размяв пальцы, ноющие от письменного артефакта, и похрустев затекшей шеей, Адамиан вновь раскрыл газету. Уставился на вложенный листок: почерк Кольта узнавался сразу.

Утром, пока дожидался утонувшую в ванне менталистку, Чейз перетряс свою почту. Нашел несколько магически вскрытых конвертов, распечатанных пакетов с прессой… и пришел к неутешительному выводу, что за ним следят.

Тот, кто с ажиотажем порылся в почте декана, оставил на ней свой запах. Отдаленно знакомый и притягательный, от которого в ушах слышался тихий перестук каблуков.

Однако вчерашняя газета, как и послание Кольта, кинутое между страниц, пахли обычно: дымными камешками и неприятностями. Чейз снова приник к бумаге носом, втянул аромат типографской краски и высохших чернил. Нет, никаких духов.

«Я решил твою задачку, но это мне дорого стоило. Я побывал кое-где (к счастью, в приятной компании) и вспомнил кое-что.

Итак, что перед нами? Девица имеет нестихийный «дух», нулевую защиту, как у неумелой простачки, и выдающиеся способности к внушению, так некстати в Сеймуре запрещенному… На первый взгляд. Но это иллюзия, Чейз. Вархова иллюзия: вы все видите то, что вам показывают. Раз это написано в досье, значит, так и есть?»

Адамиан раздраженно передернул газетными листами. Самодовольство, с которым Кольт занимался «просвещением», взывало к худшим сторонам натуры. И по дивану начинали прыгать голодные искры, охочие до тонкой бумаги и иного «корма».

«Это не иномирский дар, присвоенный Сеймуром по праву сердцевины Веера. Не зернышко, заброшенное к вам порталом и проросшее в чужой искре… Нет, сама магия твоей «менталистки» иная. Ее резерв, ее способы подпитки. И кому, как не тебе, понимать, к чему я клоню. Думаю, мисс Рэйвенс вообще не с Сеймура. Не только даром, но и телом (аппетитным, не спорь, я успел увидеть все, что надо)».

Из ноздрей повалил пар, и Чейз жадно отхлебнул из кувшина. Арх, еще немного, и он на цветочную воду в вазах перейдет…

«Я бы сам тебе рассказал, но судя по звукам, идущим сверху, ты предпочел щупать студенток лично…

Ах да, я видел подобную магию, как у Иветт. «Трогал» (в магическом смысле). В молодые годы, когда жизнь мотала меня от Тхэ-Вана до Энхарада, я умудрился побывать в Тантале.

Ноги я оттуда уносил даже быстрее, чем из-под красного Цейнера… Я думал, мир джиннов более дружелюбен. Надеялся прихватить себе одного (желаний у меня много, друг), но жителям Танталы запрещено покидать свой мир. Туда не прокладывают порталов, он закрыт для проходимцев.

Как ей удалось сбежать – вопрос интересный. Еще интереснее, во что раскрылись ее способности в Сеймуре. Джинн, покинувший бутылку, сорвавшийся с поводка… Она не внушает, Чейз. Ее ментальное воздействие – это желание воздействовать. Она реализует, исполняет, вершит. Она диктует волю. Не тебе, не мне… целому мирозданию.

Вполне вероятно, что делает это неосознанно. И ни гхарра не контролирует. Кто-то убедил девушку, что она менталистка с запрещенным даром. И она в это поверила. А то, во что верит джинн – уже не сказка, Чейз, так?

Остается молиться вашим богам, чтобы Сеймур гасил ее способности, как и прочие иномирские «ростки»… У современных девушек слишком много грез и зефирных фантазий.

И да, я тоже читал ту чушь, что в Тантале исполняются желания. Опущу подробности, но это… крайне неверная трактовка. И лучше там ничего не желать! Упаси тебя гхарр в это сунуться, Адам.

Что до мисс Рэйвенс, волей судьбы оказавшейся на сеймурской земле, где с законами не так строго… Предлагаю потереть лампу и что-нибудь загадать. Ладно, да, тереть можно не лампу… Уверен, при верном наложении рук все твои желания сбудутся.

П.С. Только не запихивай девчонку в бутылку. Это негуманный пережиток прошлого, ты выше этого!

П.П.С. Я бы пригласил тебя на свадьбу, но, боюсь, нового «вторжения» Эррен не переживет. И так по швам трещит, разрываясь на ровном месте. ***Г.К.****»*

Письмо закончилось, искры перебежали с манжет на бумагу и подпалили белый край. Догадки Кольта тлели в судорожно сжатом кулаке. Внутри бурлил протест. Если то, что Адам слышал об этих созданиях – правда, из Иветт выходил какой-то неправильный джинн.

Прошлой ночью Чейз совершенно натурально грохнулся в обморок и провалился в черноту, едва отлепился от сладких губ. Бессчетное множество желаний маленькой мозгоклюйки выжали его досуха. Если кто-то и был джинном, то это, Арх дери, он сам. Причем с пожизненным абонементом на неограниченное количество фантазий!

Он не жаловался, нет. Отдавался в сладкое рабство вполне осознанно, надеясь, что хоть так не придется воевать с ментальным даром Иветт… Он обязан был компенсировать ей кошмары первого раза.

Но все прочее указывало на то, что Грег близок к истине. Она не отсюда.

Сломанная метка проходимца, секретное досье, что папаша Рэйвенс перевозит в чемодане… Пропавшие страницы, иллюзии, вдруг обернувшиеся реальностью и вогнавшие в ужас сира Угля… Вся эта непереносимость сеймурских тоников и зелий с Саци…

И ее *«Живи!»*, забирающееся в холодное ухо и ускоряющее кровь. Вливающее в оцепеневшее мертвое тело жизнь, заставляющее желать этого воздуха, этих запахов, этой земли.

Картинка складывалась пугающая. Вряд ли Иветт догадывается, как опасна для мира и как желанна для всех, кто зачитывался сказками о «желаниях Танталы»! Мало ли кто захочет засунуть ее в бутылку и тереть до беспамятства?

Чейз нервно постучал по столику конвертом и подцепил ногтем перламутровую печать. Лорд Келси приглашал на вечерний прием в свое имение.

Адамиан уставился на обугленный край рубашки. Бездна! Когда он садился читать письмо Грега, одежда была свежей, а в кабинете пахло цветами, а не вулканической гарью!

Растер лицо, поднялся с дивана, прошелся нервно от окна к столу и обратно. Принимая решения, от которых зависело слишком многое.

Что ж, он пойдет на прием и даже уделит внимание юной Эшли, как того жаждет лорд-попечитель. Тот самый, кто имел допуск в кабинеты ректорского крыла! Кто интересовался разработками Горди, основал новый грант для стихийников и созвал талантливых учеников на практику, чтобы приглядеться к их дарам…

Но прежде Чейз обеспечит безопасность Иветт. Недавние приключения показали, что на чутье ищеек и силу тхэров полагаться нельзя.

И еще он немедленно поговорит с одной особой. С той, кто точно знает, как сероглазая девочка с Танталы очутилась в Сеймуре… С ее матерью – известной проходимицей Веера Эмили Харт.

***

Пятый уровень серватория был истыкан гладкими черными столбами, тянущими квадратные головы от пола к потолку. Примерно как зад тхэ-ванского иглобрюха, но с нюансами в плане масштаба. Каждый такой обелиск хранил информацию о перемещениях за многие годы, начиная с первого портала и первого проходимца.

Кто-то изъял из досье Иветт ценную информацию о рождении менталистки… Но теперь Чейз знал, где искать недостающие кусочки.

– Мне нужны данные о перемещениях Эмили Харт, ее личная биография и… вырезки с фото из газет, – монотонно пробубнил, не глядя на молодую регистраторшу. Кинул на стойку читательский с допуском.

Он предпочел бы с глазу на глаз переговорить с «гордостью Сеймура» – предметно, откровенно, с пристрастием. О сероглазом бедствии с вечно прикушенной губой и копной каштановых волос. Но к беседе нужно было подготовиться.

Следующий час Чейз рылся в выданных папках, сверял даты и маршруты по стеклянным «картам переходов», всматривался в данные магического компаса, ставил метки, обозначая важные события.

Хаврана, Саци… Рождение старшей дочери Шарлотты… Затем снова – Хаврана, Хаврана… Это была визитная карточка миссис Харт: не всякий путешественник рисковал отправляться в безмагический мир. Но она всегда возвращалась.

Иногда в стеклянных картах всплывали метки Саци и Энхарада. Компас Эмили фиксировал переходы в Эстерель, Керракт, Тхэ-Ван, Эррен. Снова много, бесконечно много Хавраны… И пауза. Затишье, связанное с новой беременностью: леди Рэйвенс-Харт ждала вторую дочь.

И вот, внезапно – новый сигнал компаса, новая метка. И «гордость Сеймура» исчезает в спонтанном портале. Все указывает на закрытый мир – Танталу.

– Керрактова бездна! – не сдержал шипения Адамиан.

Выходит, Эмили Харт последним посещала «мир исполнения желаний». Несмотря на легенды, что он наполнен джиннами, женщина несколько месяцев не могла оттуда вернуться. Компас молчал. Газеты пестрели заголовками об утрате. Тиражировали серое опухшее лицо мистера Рэйвенса – «вдовца», в один миг потерявшего все.

И вот – легендарное возвращение из закрытого мира. С новорожденной дочерью и твердым желанием завершить карьеру. С тех пор – ни одного перехода по Вееру, ни одного сигнала с личного компаса.

Выходит, ребенок родился в Тантале. Понятно, откуда у Иветт метка! Она действительно ходила порталом – в младенчестве.

А дальше – еще больше вопросов. Могло ли рожденное в Тантале дитя принять часть способностей от закрытого мира? Впитать «ростки» чужеродного дара? Или все куда сложнее, как и думал Грег?

– Если вас интересуют подвиги Эмили Харт, у вас уникальная возможность… – регистратор пятого уровня поманила Чейза пальцем и перешла на шепот: – Она сейчас на четвертом, изучает маятник Квентора.

– Какая… удача, – процедил Чейз и вернул карты на стойку.

– Будете забирать? – похлопала глазами молоденькая ланта.

– Нет… и… Можете не отмечать запрос в моем читательском? – Адамиан неохотно растянул на лице улыбку, и девушка заговорщицки ему подмигнула.

Уровнем ниже располагался музей, доступный старостам, лучшим ученикам и выдающимся горожанам. Реликвии, натасканные сеймурчанами из Междумирья, покоились за защитными экранами. Пугали, восторгали, нагоняли скуку…

Эмили Харт осторожно сдвигала экранирующий купол с керрактского маятника. На шее у нее болталась цепочка с фиолетовым кристаллом мага-ученого и жетоном проходимца.

– Подержите, – выдавила женщина натужно, заметив Чейза. – Тяжесть вархова… архова…

Адам принял у нее демонскую реликвию. Не такую и тяжелую в правильных руках. Знакомые щекотные потоки силы пробрались под манжеты, волоски встали дыбом на затылке.

– А вы молодец, – заметила, устало стряхивая с ладоней крошки защитных чар. – Эмили Харт. Я бы пожала вам руку, но ваши заняты.

– Адамиан Чейз, декан стихийного факультета, – поймал ее цепкий взгляд и приклеился к нему намертво.

– Мой ассистент упал в обморок, едва я сняла первый слой.

Женщина закатила глаза. А за ними и рукава – до локтей. И принялась деловито осматривать маятник, уютно лежащий в чейзовых ладонях. Не так Адам планировал провести допрос…

– Так, что тут у нас… Я не совсем ученый, но временами консультирую, – задумчиво бубнила Эмили, обходя реликвию то слева, то справа. – Этой штучке нужно много энергии. Не нашей – керрактской.

– Полагаете? – Чейз с любопытством изучал миссис Рэйвенс-Харт, пока та исследовала зеленый шар, закованный в медные цепи.

Сразу видно, женщина-кремень. Поджатые губы, резкие движения. Стойкая, строгая, загорелая, русоволосая, обветренная ураганами Веера. И хоть вот уже двадцать лет сидит на «бумажной работе», ее мышцы все так же крепки, как раньше.

Младшая дочь ни капли на нее не похожа. У Иветт более тонкие черты лица, длинные пальцы, худые, но слабые руки. Пышные волосы – шелковистые, приятно запутывающиеся в кулаке. Просвечивающая кожа, хрупкие запястья и щиколотки… на каких очень красиво смотрелись бы браслеты.

– Активировать эту штуку может только демон, – уверенно покивала миссис Харт. – И только в коридоре Междумирья. В черноте, соединяющей миры и пространства.

– Думаю, к таким экспериментам Сеймур пока не готов, – хмыкнул Чейз. – А что за пятна?

– Напоминают жертвенную кровь, – промычала Эмили, наклоняясь ниже к зеленому шару. Она морщилась, с трудом продираясь сквозь волны силы. – Истоки артефакта идут к Верховному… Вы искали здесь меня, сир Чейз?

Она резко распрямилась и жестом велела положить реликвию на место.

– Искал, – признал Адамиан. – Я курирую учебу вашей дочери, Иветт Рэйвенс.

– Рэйвенс-Харт, – поправила деловито чудо-матушка, поджала тонкие губы добела и уткнулась глазами в свой блокнот. – И?

– И недавно из ее личного дела пропала часть страниц, касавшаяся медицинских данных, – начал издалека, стряхивая с себя странное оцепенение – влияние маятника. – Когда я заполнял бумаги, все было на месте.

– Что вы знаете? – она подняла лицо.

Столь прямой, что даже дерзкий взгляд сбивал с толку. Кто кого допрашивает?

– Что ваша дочь не менталистка.

– Неужели? Ученые из Шах-Грина с вами не согласятся, – профыркала женщина, возвращая защитные экраны на место. – Дар Иви очень силен. Но, к сожалению, под запретом.

– Ее проверял мой приятель из Эррена, его мнению я доверяю больше, чем шах-гринским магам, – Чейз отвернулся к стеллажу с россыпью старинных демонских саеров. Ржавые лезвия кинжалов давно потеряли свою остроту и выглядели до обидного беззубо. – Я поднял записи о ваших перемещениях, миссис Харт. Последнее вы совершили в Танталу. Вы родили Иветт там, в закрытом мире?

– Все верно. Это та семейная легенда, о которой не принято распространяться, – женщина позволила себе сухой смешок и расправила рукава. – Да, Иви была рождена там, и я ее младенцем пронесла через портал. Только и всего. Ее метка закрепилась нечетко, в коридоры Междумирья ей больше входить нельзя. Учебе это никак не мешает.

– Я не слышал раньше о сломанных метках.

– Просто вы не пытались вынести из закрытого мира то, что выносить нельзя, – пробормотала Эмили, постукивая по подбородку блокнотом. – Бездна все видит и все слышит. И все помнит.

– Вас не было несколько месяцев, но вы никому не рассказывали, как провели время в закрытом мире.

– Почему решили, что я расскажу вам?

– Потому что я с начала года наблюдаю, как кто-то пытается навредить вашей дочери!

По музейному уровню поскакали искры, и читательский Чейза мигнул тревожным красным. Предупреждение. Арх, да не пытается он спалить серваторий к демонской бабушке!

– Я имел неосторожность решить, что ее судьба вам не так безразлична, как кажется… – Чейз перешел на шипение, навис над «гордостью Сеймура». – Что там случилось, в Тантале? Вы с кем-то общались? Попали с ребенком в беду?

– То, что случилось в Тантале, остается в Тантале. Это закрытый мир, из него нельзя ничего забирать… Даже воспоминания, – уклончиво выдавила миссис Харт.

– Мир не хотел отдавать вам Иветт? Потому что она родилась там? – допытывался, полыхая от копчика до шейных позвонков.

Рубашка дымилась, намекая, что на прием к Келси нужна новая.

– То, что нам с дочерью удалось вернуться домой – чудо, дарованное Сато-благодетельницей и самой бездной, – строго прохрипела женщина. – И мне не хочется об этом вспоминать. А если мне чего-то не хочется, то я этого не делаю.

– А если хочется, то делаете без оглядки на последствия, так? – с возмущенным вызовом уточнил Чейз.

Какой ответственной мамашей надо быть, чтобы на сносях сунуться в незнакомый мир!

– Я слышу укор в вашем голосе? Мой супруг тоже тогда не понимал… и сейчас не понимает, почему я решилась. Но я верю в силу знаний, сир Чейз. В то, что получив их вовремя (неважно, какой ценой), можно избежать большой беды.

– Так дайте мне арховы знания! – вспыхнул Чейз, чувствуя, как искры наполняют ботинки и обжигают пятки. Носков он, похоже, лишился тоже. – Что не так с вашей дочерью? Откуда у нее дар с Танталы?

– Она обычная менталистка.

– Бросьте!

– Вы ведь знаете, Сеймур стоит на пересечении всех междумирских коридоров, – заученно пробубнила Эмили. – Чего к нам только не попадает – начиная с семян растений и заканчивая зачатками иномирских даров… Порой они приживаются в обычных сеймурчанах. Вам ли, магистру Академии даров Междумирья, об этом не знать?

– Она другая.

– Обычная. Заурядная, – фыркнула женщина.

– Понятно, кто вбил ей это в голову! – сорвался на крик, недостойный декана. И яростно влепил кулаком в стену.

Читательский кристаллик вновь тренькнул и окрасился красным.

Да не собирается Чейз разносить серваторий! Наверное…

– Так лучше для нее.

– Правда?

– Мать всегда знает, как лучше!

– Да вы… Вы не мать, а… – хрипел сорванным голосом.

– А вы слишком вспыльчивы для декана. Мне стоит уточнить у ректора Клэя, уверен ли он в вашей компетентности.

– Уточните. Он как раз отправляется в горы – охотиться на иномирских тварей! – голос сел окончательно, искры плясали уже в горле. – Послушайте меня, миссис Харт. Поначалу я

счел это покушением… Но сейчас думаю, что вашу дочь провоцировали. Проверяли. И люди, которые все это затеяли, не отступятся. Беглое изучение методик Горди…

– Горди? – закашлялась женщина. – Тот параноик, что мечтал сделать батарейку из демонов? Старик еще жив?

– Вы знакомы?

– Я знаю, что он искал со мной встречи, – она скрестила руки на груди, будто могла так защититься от Чейза. Наивная. Она понятия не имела, с кем имеет дело. – Но я была слишком занята… и сейчас тоже занята, сир Чейз. Прошу прощения. Мне пора.

– Но ваша дочь!..

– Вы ведь ее куратор, так? – она вскинула брови, дожидаясь утвердительного ответа. – Безопасность студентов – ваша ответственность.

– Вы так равнодушны… словно она вообще не Харт! – раздраженно выдохнул Чейз, разглядывая удаляющуюся спину.

Тело Эмили натянулось безмолвной струной, напряженные плечи дернуло током. Женщина обернулась, прошила Адама неприязненным взглядом. По ее вискам побежали серые змейки вспухших вен.

– Да что вы в этом понимаете? – она резко отвернулась и вышла к лестницам.

Глава 9. Желать нельзя, но хочется

Иви Рэйвенс

– Не понимаю, как у Риз получается призывать своего попугая! – простонала я жалобно, с мольбой косясь на Джул. Словно та держала в джинсовом рукаве какой-то секрет.

– Она «фея»… – пожала плечами соседка и подняла ворот короткой голубой куртки, расшитой изображениями хавранских ежиков.

Всю полусферу, что Риз торчала в серватории, я пыталась призвать сафаэля на плантацию био-магов. И мысленно, и вполне себе вслух, и даже приплетая иномирские ругательства. Морфо на зов не летел. А нам так-то парные испытания грозили!

Я вообще заметила, что он вылупился слишком самостоятельным. Слава Арху, хоть не болтливым, как розовобрюхий трикс. Мотылек прилетал, когда хотел, устраивал небольшой ураган в моей жизни и тут же скрывался в очередном окне. Растворялся древним призраком в ночной дымке.

Вчера я даже радовалась, что он не кружит над головой постоянно. Но сегодня задумалась… Чем-то же он занимается в свободное время? Не запишут ли потом это «что-то» в мое досье?

На поле сонно стекались маги-природники: у них начиналось время практики. Мы с Джул отошли в сторонку, к стройному ряду туров, что ограждал дорогу к серваторию.

После утреннего столкновения с Анхелем я сразу пошла в общежитие. Проверила читательский Риз, убедилась, что ее кристаллик все еще черный… И попросила о крошечной услуге. Соседка легко согласилась, сунула точеные ножки в розовые сапоги и буквально полетела на девятый уровень.

И теперь я, щурясь в утреннем свете, взволнованно ждала, когда же из дверей серватория выпорхнет знакомое облачко. Мечтательный сгусток волшебной пыльцы и зефирных оттенков. Соседка пообещала достать для меня одну из книг, что оказались под запретом. С легкой руки моей матушки, невообразимо ценной сеймурской «достопримечательности».

Наконец кукольное личико показалось в проеме – как назло, в сопровождении другого лица, до изжоги неприятного. Вместе с Риз на воздух вышел Квентан Клэй.

– У нас всего час остался! – нервно пропыхтела я, взрывая носами туфель землю био-поля.

Еще немного – и наши читательские, оформленные вчерашним днем, «сгорят».

– Смело отнимай от него полусферу…

– Архов Квент! Вечно оказывается там, где ему не место, – я надула щеки и постаралась дышать спокойнее.

Гимнастика не помогала, умиротворение не приходило.

– Выдыхай, Ив. И не дергайся, а то мне тоже нервно делается, – попросила «ежиха», потирая горло.

Я до искр зажмурилась, лишь бы не глядеть на мило болтающую парочку у входа в серваторий. От самоуверенной ухмылки Квента сводило зубы. Клэй махал руками, описывая что-то вроде мощного вулканического всплеска… А я сама готова была разорваться. Прямо посреди зеленого био-поля.

Ризраэль, Эйна тебя прибери, ну нельзя отвлекаться на не-героя в *такой* момент!

– Вон, смотри: летит твое чудо… вище, – Джулиэт уселась под туром, подложив сумку с конспектами под пятую точку.

Сафаэль наконец откликнулся на зов (или же просто мимо пролетал и увидел призывно вытянутый палец) и вальяжно припорхал на мое запястье. Сложил синие крылья и, кажется, заснул. Это сойдет за магическое взаимодействие, эй?

Наша забывчивая розоволосая «фея» прижала к груди раздобытую книгу и, широко улыбнувшись, помахала нам. Вспомнила все-таки! Староста ей совсем голову задурил.

– Вот зачем Риз общается с этим… этим?! – прошипела я сквозь зубы, когда парочка приступила к ритуалу прощания. Который грозился растянуться еще на полусферу.

У меня уже пар из ушей валил от раздражения. С прискорбием признала, что сейчас бы меня и ее беседы с Анхелем не порадовали. Но Квент возмущал вдвойне. Он воровал мое время, чтобы обманывать мою подругу! Беззаботно тратил мою последнюю полусферу с допуском десятого уровня и книжкой о Тантале!

– Как всякое хрупкое неземное создание, она нуждается в любви. Некоторым бабочкам нужна особая «пыльца». Без этого их «крылья» опустятся, – философски выдала Джул, вжав голову в плечи. – Ты можешь жить без любви – тебе достаточно книг.

– Я уже не уверена, что могу… – прошептала в кулак, разыскивая глазами огнепорт.

Почудилось, что ноздри защекотало знакомым дымом… Нет, показалось.

– Я тоже справляюсь: постоянно ощущаю чужую. Но Риз… Нет, ей чувства нужны сильнее воздуха. Ей важно мечтать о ком-то, ждать, тратить энергию, стремиться… Это дает ее «фейской» жизни смысл, цвет.

И цвет этот, уж конечно, розовый…

Джул достала из сумки магический маркер и принялась выводить на запястье симпатичную темно-синюю вязь. То ли защитную, то ли для красоты, то ли чтобы руки чем-то занять.

– Но чувства ненастоящие, – проворчала я, кидая на землю сумку и усаживаясь рядом. – Квент бы звенел, как архов колокол, попадись он под артефакты с чарами «анти-ложь»!

– Представляю этот концерт, – рассмеялась «ежиха», и красные иголки хаотично затряслись.

Неужели Анхель прав, и у некоторых фей ярмовый мусс вместо мозга? Неужели Риз не видит, что в том нет ничего подлинного? Ну какой смысл жизни может придать ложь?

Ладно, да, я тоже сначала поверила в их чертову романтику тайных встреч. Даже пари заключила. И проиграла! Но я в академии недавно, а Ризраэль знает Квента с первого курса… И наверняка это не первое его «похождение».

Может, запрещает себе смотреть? Может, как я временами, закрывается ладошками от колючей правды? Лишь бы было о ком мечтать…

Возникло острое желание раскрыть ее красивые розоватые глаза. И за ручку отвести к чему-то более честному, правильному… хоть и мрачноватому, да.

– Она знает, Иви, – выдохнула резко Джул. – Все прекрасно знает.

– Да быть того не может! – я отчаянно помотала головой.

Картинки, с таким азартом складывавшиеся в сознании, вновь рассыпались на невнятную чепуху. Я совсем перестала понимать потемки чужих отношений. Риз знает, что Квент лгун и манипулятор? Что он подбирает ключик к сердцу по читательскому билету? И она продолжает общаться с мерзавцем? Добровольно лезет в эту лживую петлю?

Это… не канонично, Арх меня прибери!

– Риз плохо переносит боль. Ей уже было плохо, она решила для себя этот вопрос, – Джул прикусила не тот кончик маркера, отчего по ее губам расползлась темно-синяя клякса. – Тьфу! Вряд ли она теперь к чему-то относится поистине серьезно, кроме учебы и своих растений. Легкие мечты, легкие встречи, легкие обязательства… Она сама очень легкая. Как воздушный взбитый мусс. И больше не позволяет тяжелым чувствам тянуть себя на дно.

Я сощурилась и поглядела на Джул с недоверием. Она будто бы что-то недоговаривала. Хотя уж наверняка лучше всех знала, какие эмоции посещают нашу розоволосую соседку…

За всей этой легкостью, за парящей грацией и эльфийской статью, с которыми Риз плыла по жизни, скрывалось что-то еще. И я бы поспорила, что она относится к любви несерьезно. Эй, да она Кристалл высших знаний спрашивала о том, что для нее «важнее всего»!

– Сплетничаете, да? – Риз выпрыгнула из-за тура так неожиданно, что мы с Джул подскочили. Вроде секунду назад «фея» болтала с Квентом, и вот… прилетела на зов, как послушный сафаэль. – А зря, зря… Я вам вот что достала. Буквально из лап лорда Келси вырвала!

Тяжеленная книжища бухнулась на мои колени, и Ризраэль деловито размяла затекшие пальчики.

– Какой-то нездоровый интерес к Тантале у всех вокруг, – задумчиво буркнула Джулиэт.

– Надо успеть вернуть, – поторопила Риз, нависая над нами розовой тучкой. Она прислонилась к туру бочком и прикрыла нас от лишних глаз. – Ну, что там такого, что тебе читать нельзя, Иви?

– «Ненаучный бред», как обозвала его матушка…

Напомнив себе о сгорающем читательском десятого уровня, я торопливо открыла книгу. На форзаце танцевали красивые мужчины и женщины. Голые, счастливые, обмотанные вьющимися зелеными лентами в интимных местах.

Они были совсем как мы, сеймурчане, – с тем же набором конечностей, с пышными шевелюрами на голове, изящными чертами и природной грацией. Разве что пальцы на руках и ногах казались длиннее обычного.

«Мир, в котором исполняются желания»

Сборник легенд Междумирья, собранный сиром Ланторосом для вашего удовольствия.

Теперь понятно, почему мать слюной брызгала: легенды не самый точный источник фактов.

– Была еще эта, – Риз достала из-под куртки тонкую брошюрку, такую потрепанную, что почти однородно серую. С неразборчивым названием на стершейся обложке. – Остальную стопку взял старик Келси.

– Уффф… – вздохнула я с сожалением, пролистывая брошюрку. Глаза едва могли разобрать бледный шрифт. – Тут почти то же самое. *«Мир, где исполняются… все желания… и потому там запрещено желать»*.

– Да нет, Иви, это совсем другое, – сосредоточенно пробормотала Риз, наклоняясь ближе. – Нельзя мечтать? Но почему? Это как вообще?

– Странно как-то… – покивала я согласно, листая дальше.

Тут не было картинок и схем, лишь заметки какого-то проходимца из Веера, попавшего спонтанным порталом в Танталу. Не сеймурчанина.

– Наверное, если все будут желать… и все это будет исполняться… – неуверенно подсказала Джул.

– Да, это будет паршиво, – согласилась, вспомнив прошлую ночь.

Вчера моим желаниям потакали. Исполняли волю, стоило лишь намекнуть… Примерив роль порабощенного джинна, Чейз растопил меня до состояния кипящего воска. А сам побелел, задрожал и упал в обморок! Хорошо хоть на подушку.

Перебор вышел… с тайными желаниями… Интересно, отважится он после такого на еще одну «одноразовую акцию»?

Я достала из сумки «чудище заморское», липкое и зеленое, нанесенное карандашами на прорицательский сонный бланк. Позаимствовала на днях в кабинете сирры Лавли и повторила эксперимент.

– Вот. Я зарисовала по памяти, – протянула бумагу подругам. – Ищите что-то похожее. Я не могла его придумать, так? Значит, видела когда-то…

Риз и Джул уселись с большой книгой сира Ланторoса, а я продолжила изучать брошюрку. Тут не было ничего о проклятиях и чешуйчатых тварях из кошмара. Большинство страниц стерлось неумолимым временем, а те абзацы, что умудрились сохраниться, описывали ощущения проходимца.

Он рассказывал про дивно красивый мир, в котором может быть все, что только пожелаешь… И история Танталы знала те темные, гиблые времена, когда всякому было дозволено мечтать. С тех пор на руках и ногах жителей появились браслеты, ограничивающие их волю. Лишь это удержало мир джиннов на краю бездны…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.